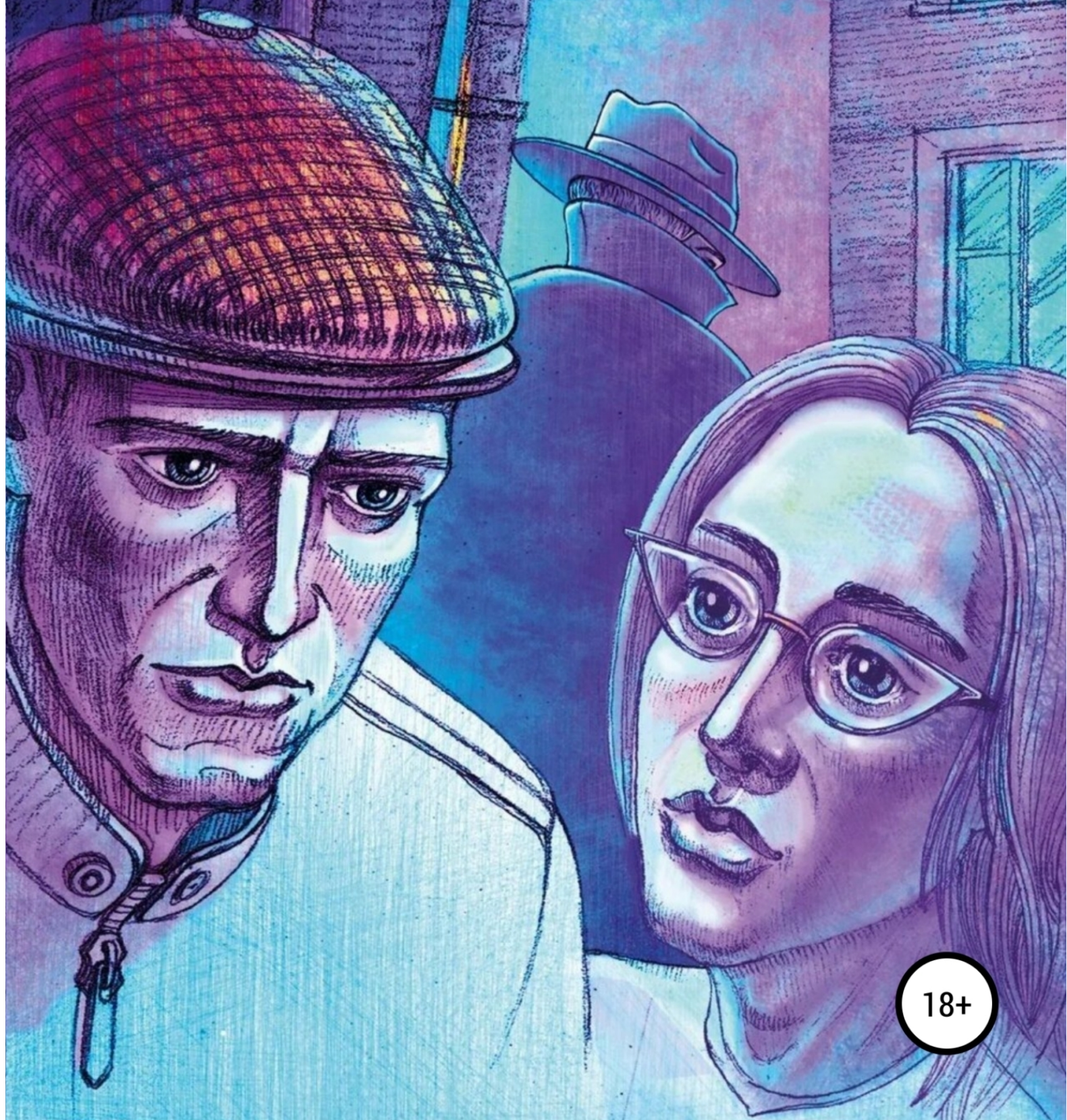

Андрей Толоков

ПОСЛЕДНИЙ ТУР

История первая

ДЕЛО ЧЁРНОГО СТАРИКА

18+

Андрей Толоков

**Последний тур . Дело чёрного
старика. История первая**

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Толоков А.

Последний тур . Дело чёрного старика. История первая /
А. Толоков — «ЛитРес: Самиздат», 2021

ISBN 978-5-532-98159-1

Все когда-нибудь заканчивается. Вот и Василий Иванович Куприянов передал дела молодому следователю и ожидал приказа об увольнении. Однако жизнь распорядилась иначе. От начальства поступила просьба – ведь приказывать человеку, уходящему на пенсию, негоже – взяться за одно дело. В богато обставленной квартире найдена мертвая пожилая женщина. На первый взгляд, старушка ушла из жизни добровольно, о чем свидетельствовал сильный запах газа. Но что-то смущало Куприянова в этой смерти. Едва увидев погибшую хозяйку квартиры, Василий Иванович понял, что уже видел ее раньше. Будучи еще молодым и неопытным сыщиком, Куприянов вел дело о пропаже дорогого ювелирного украшения. Раскрыть это дело так и не удалось. И вот, спустя столько лет, ценность нашли в квартире якобы покончившей с собой старухи. Слишком много вопросов, на которые следователь хотел бы получить ответы. Он возобновил дело двадцатилетней давности, чтобы разобраться в произошедшем до конца. И результаты Василия Ивановича не обрадуют.

ISBN 978-5-532-98159-1

© Толоков А., 2021
© ЛитРес: Самиздат, 2021

Содержание

Пролог	6
Часть первая. Старик	7
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	26
Глава 5	31
Глава 6	35
Глава 7	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Андрей Толоков
Последний тур . Дело чёрного
старика. История первая

Всегда лучше когда друзья недооценивают твои
Достоинства, а враги преувеличивают недостатки.
Марио Пьюзо.

Пролог

- Какой у тебя рост?
- Сто шестьдесят пять сантиметров.
- Совпадает! И маленький размер ноги. Как с этой ногой можно носить такую огромную обувь?
- Это специальная обувь. Её сшили на заказ. Кто – не скажу.
- Чёрт!!!
- Чего ты чертыхаешься? Давай! Арестовывай меня!

Часть первая. Старик

Глава 1

1994 год. 19 июня. 9:54

– О! Василий Иванович, – удивлённо воскликнул эксперт Сорокин. – Какими судьбами? Ты вроде как на пенсию уже намылился.

– Человек предполагает, а начальство располагает, – невозмутимо ответил Куприянов.

Сколько раз в своей жизни Василий Куприянов наблюдал эту до боли знакомую картину. Звонок дежурного, адрес места происшествия, выезд, а то и выход. Понятые, эксперт-криминалист, следователь, улики, вещдоки и так далее. Вот и сегодня он, Василий Иванович, свидетель человеческих бед и несчастий, привыкший к ним более чем за два десятка лет службы в милиции, стоял у подъезда дома по улице Тимирязева, в котором обнаружен труп. Что это? Убийство, самоубийство или несчастный случай, предстояло ещё разобраться.

Куприянов оказался первым на месте, потому что жил буквально в нескольких шагах от злополучного дома. Утром, когда Василий собирался в управление, позвонил дежурный и передал просьбу начальника, да, да, именно просьбу, потому что человеку, уходящему на пенсию через несколько недель, приказывать некорректно. Так что, дежурный передал просьбу прибыть на место и поучаствовать в осмотре.

– Я только не пойму, – продолжал надоедать Василию Сорокин, – здесь труп, а ты у нас всю жизнь кражами занимался. Ты, Василий Иванович, наверное, жмуриков боишься?! – Сорокин ехидно захохотал.

– Я, Коля, жмуриков не боюсь, – спокойно ответил Василий, вальяжно доставая из кармана пачку «Camel». – Чего их бояться? Лежат себе спокойно, никого не трогают. Вреда от них никакого. Я идиотов боюсь. От них все наши беды. Понял, Коля?

Куприянов достал одну сигарету из пачки и привычным движением стал разминать её. Сорокин тоже достаточно бесцеремонно потянулся за сигаретой, но Василий, будто не замечая руки Сорокина, убрал пачку в карман. Эксперт вскинул брови то ли от удивления, то ли от возмущения. Куприянов, несмотря на гримасы сослуживца, медленно произнёс:

– Там за углом в киоске этого добра навалом. Сходи, купи и покури.

И не дожидаясь ответа от назойливого Сорокина, зашёл в подъезд.

Тут наконец-то «нарисовался» сонный участковый Панамаренко. «Вот ленивый пёс! – подумал Куприянов, наблюдая за неуклюжей пластикой толстого участкового. – Обидно. Только такие сейчас в милиции и держатся. Толковые все скоро разбегутся, а эти чудачки на букву „м“, станут начальниками. Эх, граждане, не завидую я вам!»

Вся опергруппа поднялась в квартиру. Дверь уже была открыта. Утром жители почувствовали стойкий запах газа и вызвали газовую службу. Дом сразу обесточили, перекрыли подачу газа и, определив место утечки, вскрыли квартиру на третьем этаже. Помещение проветрили и на кухне обнаружили труп пожилой хозяйки жилища. Бригадир газовиков и позвонил в милицию.

Куприянов входил в квартиру последним. У него не было сильного желания лицезреть погибшую старушку. Молодой следователь Серёжа Безуглов смело пошёл «в бой», осознавая всю важность своего предназначения. «Этот далеко пойдёт, если не остановят, – оценивал в мыслях Сергея Куприянов. – А при нынешней власти могут прямо на лету срубить. А парень Серёжка толковый. Провинциал, оттого, наверное, упёртый и ловкий. Этих ребят сама жизнь заставляет зубы отращивать. У них за спиной никакой поддержки нет. Они сами себе и надежда, и опора».

Василий Иванович ни от кого не скрывал, что отбывает номер. Он вяло прохаживался по квартире, изредка бросая профессиональный взгляд на разные вещи. Так ли лежат? Нет ли в положении вещей чего-нибудь странного? Нет возможности посчитать в скольких квартирах в этом городе, да и не только в этом, побывал за годы службы Куприянов. С самого первого дня службы в милиции он служил в уголовном розыске, в отделе по борьбе с кражами. И прошёл путь от стажёра до начальника. А теперь Василий передал дела молодому сменщику и через несколько дней ждёт приказа об увольнении. Пенсия у него уже заработана.

Квартира старушки была довольно богато обставлена. Судя по тому, что в этом доме по улице Тимирязева простые смертные не жили, это Куприянова не удивляло. Немного показалось странным то, что в доме не было ни одной фотографии покойницы. Ни с родными, ни с друзьями. Обычно люди той эпохи, к которой принадлежала старушка, всегда выставляли фотографии напоказ. То ли в серванте, то ли на комод, пианино или просто на стене. Эти пожилые люди тем самым спасались от одиночества. Иллюзия конечно, но присутствие родных лиц создавало ощущение, что они, старики, кому-то ещё нужны. А тут ни одной фотографии. «Может быть в альбомах, – подумал Василий, – или старушка попросту была одинока. Тогда хотя бы друзья должны быть. Господи, Куприянов, зачем это тебе? Иди уже спокойно на пенсию. Устраивайся к какому-нибудь „коммерцу“ и сиди, протирай штаны».

– Сорокин, что с замком? – прервал размышления Василия звонкий голос Безуглова.

– Что с замком? Вырван, по самое не балуй!

Куприянов зашёл в гостиную, где следователь писал протокол осмотра.

– Нет, Сергей, здесь на ограбление не похоже, – сказал уверенно Куприянов Безуглову.

– Да, Василий Иванович. И на убийство тоже, – согласился следователь, не отрываясь от протокола. – Эксперт говорит что, скорее всего, старушка добровольно нас покинула.

– Это странно, Серёжа. Жила то она небедно. Таким людям для суицида нужна веская причина.

– Старость тоже веская причина, – буркнул в ответ Безуглов, продолжая писать. – Если честно, Василий Иванович, я очень хочу, чтобы это было банальным самоубийством. У меня уже шесть дел в производстве. Ещё этой бабушки не хватало.

– Я понимаю тебя, Сергей, но я бы осмотрел квартиру внимательно.

Сергей оторвался от протокола и пристально, прищурив левый глаз, посмотрел на Куприянова.

– Колись, – тихо сказал он, – что-то почуял?

Василий пожал плечами, сунул руки в карманы и пошёл на кухню, туда, где лежал труп старушки. Безуглов внимательно наблюдал за старшим коллегой. В управлении ходила легенда, что Куприянов обладает каким-то звериным чутьём. То ли это опыт, то ли сверхъестественные способности, то ли всё вместе – не столь важно. Важно то, что если Василий Иванович не торопится уходить с места происшествия или возвращается туда, значит там надо копать. Там ниточки ведущие к раскрытию. Следователь Безуглов был из тех, кто никогда не упустит возможности докопаться до истины. Он отложил бумаги и стал наблюдать за Куприяновым.

Василий некоторое время смотрел на застывшее лицо старушки. Потом вернулся в гостиную и задумчиво сказал:

– А ведь я где-то её видел.

– Да немудрено, – сказал Сергей, – ты же живёшь тут рядом. Конечно, видел где-нибудь на улице или в магазине.

– Нет, Серёжа. Я видел её давно. Я это лицо помню отнюдь не старым, – Куприянов закрыл глаза и стал указательными пальцами натирать виски. Он как будто перематывал плёнку. – Чёрт! Не могу вспомнить. Старым становлюсь. Правильно, что решил уйти. Помоему, вовремя.

– Не расстраивайся, Василий Иванович, вспомнишь, – приободрил Куприянова следователь. – А квартирку мы сейчас внимательно осмотрим.

Сергей позвал молодого оперативника Славу Фисенко и велел взять понятых и осмотреть тщательно всю квартиру.

– А что искать-то? – наивно спросил Фисенко.

– Ничего искать не надо, Слава, – вмешался Куприянов. – Ты при понятых открывай шкафчик за шкафчиком, а я буду рядом. Если увижу что-то важное – свистну. Пошли.

Василий прошёл в спальню. Опять достал из пачки сигарету и начал её теревить в руках.

– Начинай отсюда, – сказал он молодому оперативнику.

Фисенко пригласил в комнату понятых и открыл шифоньер. Василий Иванович продолжал играть с сигаретой. Он то помнёт её, то понюхает, то зажмёт в губах, но не подкуривает. На самом деле Куприянов не курил, но сигареты, как важный для себя атрибут, всегда носил с собой. Часто так бывало, что в общении с неким контингентом сигарета, первая необходимость.

1973 год. 3 августа. 10:34

Большой, раскалённый от жары южный город встречал лейтенанта Куприянова совсем недружелюбно. Маревое, висевшее над вокзалом, давило всей своей душной массой. Усугублялось это суматохой пассажиров и праздно шатающихся граждан. Но главным раздражителем были цыгане. Откуда их тут так много? Создавалось ощущение, что все таборы южных областей перебрались на этот вокзал и его окрестности.

– Ой, иди сюда кудрявый! – хватала за рукав Василия молодая цыганка с оголённой грудью, к которой намертво присосался смуглый младенец. – Всю правду тебе расскажу. Всё что ждёт тебя.

Василий, не вступая в разговор с женщиной, одёрнул рукав и направился к выходу.

– Ой зря ты так, соколик, – не унималась цыганка. – Зря. Тяжёлая жизнь ждёт тебя. Разочарование большое у тебя будет. Да такое большое, что до конца жизни будешь страдать от этого. Запомни!

Куприянов удалялся от кричащей ему вслед цыганки всё быстрее и быстрее. Он старался не придавать значения её словам. И помнить о них не хотел. Выйдя на улицу, Василий увидел сержанта милиции. Тот, нахмутив брови, наблюдал за разношёрстной толпой, в совершенстве владевшей мастерством броуновского движения. Лицо сержанта выражало всю важность его вселенской миссии.

– Товарищ сержант! – обратился к милиционеру Куприянов. – Окажите содействие коллеге.

Постовой не распрямляя брови, окинул серьёзным взглядом Василия.

– Сержант Легойда! – махнув ладонью у козырька, представился постовой. – Чем могу помочь?

– У меня предписание вот по этому адресу, – показав напечатанную бумагу с огромной синей печатью сержанту, Василий спросил. – Как мне туда добраться?

– А, товарищ лейтенант к нам на службу, – резко подобрев, ответил сержант. – Смотрите! Сейчас сядете на автобус номер... да, что там! Быстрее пешком будет. В автобус ещё сесть надо. И душно там, – сержант снял фуражку и смахнул носовым платком пот со лба. – Переходите через мост и прямо по этой улице. После четвёртого перекрёстка слева увидите этот дом. Серый с большими белыми колоннами.

– Спасибо, сержант, – Куприянов пожал широкую ладонь милиционера и пошёл в сторону моста.

– Идите по правой стороне. Там тенёк, – крикнул вдогонку сержант.

– Спасибо! – махнул рукой Василий.

Худощавый кадровик, к которому все шедшие навстречу сотрудники обращались – «Привет, Стёпа!», подвёл Куприянова к большой двухстворчатой двери, на которой красовалась красная табличка с неровными буквами: «Панкратов И. П.».

– Вот! – сказал Степан, слегка заикаясь. – Это твой отдел. Нач-чальника зовут Илья Петрович. Ф-фамилия – Панкратов. Удачи К-куприянов.

Степан развернулся и с чувством выполненного долга пошёл к себе в кабинет. Василий огляделся по сторонам. Длинный бесконечный коридор в обе стороны, казалось, уходил за горизонт. Люди, кто-то в форме, кто-то в штатском, перемещались по нему целенаправленно, уверенно, зная куда они идут и зачем. Ощущение у Василия возникло определённое – механизм работает. Василий посмотрел на часы – половина первого. Он дёрнул на себя дверь, она, издавая протяжный скрип, открылась.

Перед Куприяновым был просторный, светлый кабинет. Окна открыты и с улицы доносились звуки городского лета. Двое мужчин, стоявших у одного из столов, повернулись в сторону гостя.

– Здравствуйте! – сказал Куприянов. – Лейтенант Куприянов. Назначен в ваш отдел. Кто из вас Илья Петрович?

Мужчины переглянулись и через мгновение рассмеялись. Василий понял, что спросил что-то не то и тоже заулыбался.

– Ха! Наш человек! – указав пальцем на Василия, сказал один из хозяев кабинета. – Давай знакомится. Рыбак Виктор.

Виктор – крупный, широкоплечий человек, с короткой стрижкой и добрыми глазами, подошёл к Василию и крепко стиснул ладонь лейтенанта.

– Подгорный Андрей, – сказал второй. Его рукопожатие было более бережным.

– Куприянов Василий, – ещё раз представился новым сослуживцам лейтенант. – А где же Илья Петрович?

Подгорный указал пальцем на дверь в углу кабинета.

– Лучше пока не беспокоить. Чапай думает.

– А когда освободится, одному Богу известно, – сказал Виктор и, развернув за плечи Василия, показал на стол у окна. – Вот, свободный стол. Будет твой. Садись, осваивайся. Петрович сам тебя найдёт.

Куприянов поставил чемодан около своего нового рабочего места. Выдвинул пыльный стул, но сесть на него не успел. Открылась дверь комнаты начальника и на пороге появился человек лет сорока, высокий, в узеньких очках на кончике носа. На голове у него были не волосы, а что-то похожее на тайгу после падения метеорита. Он молча несколько раз измерил взглядом новобранца и басистым голосом произнёс:

– Нате, боже, что нам негоже! Откуда взялся? Что умеешь? Как зовут? Почему ко мне в отдел?

Василий не ожидал такой пулемётной очереди вопросов. Он замешкался. Но потом нашёлся.

– На какой из вопросов ответить в первую очередь? Про то, что негоже или как зовут?

– Ха! – опять засмеялся Рыбак. – Я же сказал – наш человек.

Илья Петрович поверх очков посмотрел на Виктора. Взгляд его немного подобрел. Затем перевёл пыливый взгляд опять на Василия.

– Есть хочешь? – спросил он.

– Да, – однозначно ответил Куприянов.

– Тогда чего стоим? Пошли в столовую. Там за стаканом киселя и познакомимся.

Рыбак, с лица которого всё это время не сходила добродушная улыбка, приобнял Василия за плечи и повёл в столовую.

После обеда вернувшись в отдел, Виктор с хрустом потянулся, сел на старый, обтянутый дерматином диван и протяжно сказал:

– Поели, теперь можно и поспать.

– Рыбак спит, Подгорный думает, а Куприянов идёт ко мне на беседу, – распорядился Панкратов.

Василий сел напротив начальника и долго ждал, пока тот читал личное дело. Закрыв папку, Илья Петрович положил на неё свою большую ладонь и пристально поглядел на нового сотрудника.

– А кисель у нас в столовой знатный, да?

– Да, – без каких-либо эмоций согласился Василий.

– Ты не обижайся, Василий Иванович. Я ведь просил опытного сотрудника, а ты ещё совсем серенький. Тебя же всему научить надо. Да?

– Да.

– Что в армии в разведроту служил, это хорошо. Уголовников не испугаешься. Да?

– Да.

– Стажировался в Москве, это тоже хорошо. Уже знаешь, как механизм работает. Нет?

– Знаю.

– Ух ты, – улыбнулся Панкратов. – Тебя с толку просто так не сбить. Обнадёживает. В наставники тебе Подгорного дам. Он молчаливый, но очень хороший оперативник. Не отходи от него и быстро всему научишься. Понял?

– Понял.

Илья Петрович открыл дверь и с порога сказал Подгорному:

– Андрей, отдаю в твои руки серую массу в лице Куприянова Василия Ивановича. Помоги ему сегодня устроиться. Вечером ко мне на планёрку. Всё понятно?

– Так точно.

Так в далёком семьдесят третьем году, Василий Куприянов начал свою милицейскую карьеру. Ему очень хотелось поскорее в гущу событий. Он жаждал романтики, но догадывался, что никакой романтики не будет, а будет тяжёлая, нудная и опасная работа. Работа изо дня в день, днём и ночью, долгие годы. Но вместе с тем Куприянов был уверен, что эта его работа нужна людям. Простым честным людям, которые жили в этом городе и в этой стране.

1994 год. 19 июня 11:22

Фисенко закрыл после осмотра одну секцию шифоньера и открыл следующую.

– Ух ты! – удивился молодой оперативник. – Это же сколько денег стоит? Раз, два, три, четыре шубы и вот ещё полушубок. И все из норки!

– А чего ты удивляешься, Слава, – невозмутимо произнёс Куприянов. – Судя по тому, как обставлена квартира можно было догадаться, что старушка жила в достатке. Ты же опер, Слава. Ты это должен просчитывать с порога.

– Да я не о том. Я думаю, зачем этой бабушке столько добра. Она наверное, из дома то только в булочную выходила.

– Не называй всё это, Слава, добром. Не добро это. Шмотье. Балласт на человеческой душе. Я знаешь, сколько такого за свою жизнь повидал. И чем больше этого балласта, тем ничтожнее у человека душа. Но исключения, Слава, конечно есть. Нельзя в нашей работе всех одним миром мазать, – Василий наклонился и стал присматриваться к чему-то на дне шифоньера. – Ну-ка, а что это там внизу?

Фисенко раздвинул шубы и выдвинул небольшой деревянный сундучок.

– Василий Иванович, здесь замок.

– Вижу, – Куприянов аккуратно карандашом приподнял замок и разглядел его. – Надо вскрывать. Зови Безуглова.

Эксперт Сорокин после нехитрых махинаций открыл бронзовый замок и, демонстративно положив его на прикроватную тумбочку, с укоризной посмотрел на Куприянова. Василий прочитал в глазах эксперта немой вопрос.

– Ну не возмущайся, Коля, – с лёгкой ироничной улыбкой оправдывался Куприянов. – Да, не научился я за всю жизнь вскрывать замки. Два десятка лет работаю на кражах, с ворами в одной упряжке, а замки вскрывать так до сих пор и не умею. – Василий достал из кармана всё ту же пачку «Camel» и протянул Николаю. – Возьми сколько хочешь.

Сорокин выдернул из пачки три сигареты и, не говоря ни слова, пошёл в подъезд курить.

– Что смотрим, Фисенко?! – окликнул оперативника Куприянов. – Открывай.

– Зачем нам этот сундук? Чего мы тут хотим найти? – недовольно бурчал следователь.

– Не ворчи, Сергей! Может в этом сундуке предсмертная записка, – попытался пошутить Василий.

Фисенко подвинул сундук ближе к понатым и аккуратно открыл крышку. Сверху в чёрном бархатном мешочке лежало что-то круглое. Слава осторожно развязал шнурок и извлёк красивую фиолетовую круглую коробочку. Поднял крышку, и все присутствующие в комнате открыли рот от удивления. В коробочке лежало кольцо. Золотой ободок украшения расширился книзу и в месте крепления кулона был усыпан дюжиной бриллиантов. Сам кулон представлял собой золотое сердечко с большим, нет, скорее огромным изумрудом. Изделие это выглядело уникальным.

– Вот бабка отмочила, – забыв про присутствие понатых, ляпнул Фисенко.

– Слава, – с укоризной посмотрев на молодого коллегу, сказал Куприянов, – ты слова-то подбирай. Эта несчастная женщина тебе вовсе не бабка.

– А я с товарищем согласен, – вдруг сказал один из понатых, мужчина в пижамных брюках и белой накрахмаленной сорочке. – Правильно говорит молодой человек. Она хуже бабки. Она ходила тут у нас соль кланчила, а у самой целое состояние в сундуке.

– Да, Фёдор Петрович, – поддержала мужчину вторая понятая, женщина неопределённого возраста с волосистой башней на голове, – это точно. Прикидывалась тут бедняжкой. Пенсия у неё маленькая. А пять шуб-то себе купила. И какие шубы! Вы только посмотрите!

Василий Иванович намеренно не останавливал возмущение соседей. В такие минуты можно услышать очень важную информацию. Он притих и внимательно слушал.

– Хватит, товарищи! – не вовремя встрял Фисенко. – Как вам не стыдно. Труп вашей соседки ещё в квартире, а вы тут устроили судилище.

«Эх, Слава, как же ты ещё неопытен, – подумал Василий и от досады махнул рукой». Безуглов, не вдаваясь в полемику, приступил к своему делу. А Василий Иванович всё пристальнее вглядывался в кольцо. В памяти всплыло что-то очень похожее. Надо же, в этой квартире он уже второй раз видит то, что уже когда-то попадалось ему на глаза. Но не может вспомнить где. Куприянов заложил руки за спину и стал ходить по квартире. Сначала на кухню, посмотрит на безжизненное тело, затем в спальню – кольцо завораживало своей роскошью. Потом в гостиную. Многое в этой квартире оказалось странным. «Эта женщина, похоже, не имела родственников. Или была с ними в жуткой ссоре, – думал, расхаживая по квартире, Куприянов. – Ни одной фотографии. Книг тоже нет. Один хрусталь, статуэтки, шкатулки и морские раковины. Необычно».

– Поглядите на него! Завёлся наш Иваныч! – Сорокин стоял в проёме двери и с улыбкой наблюдал за Куприяновым.

Сзади Сорокина подпирал своим пузырём-животом ленивый участковый. По лбу и по щекам толстяка медленно ползли тонкие ручейки пота.

– Доктор спрашивает, – высоким голосом щебетал участковый, – где документы умершей?

– У меня паспорт! – крикнул из спальни Безуглов.

Участковый метнулся в спальню. «Похудеет сегодня бедняга, с такой суетой, – подумал Куприянов. – Паспорт. А чего это ты, Василий Иванович, в паспорт не заглянул? Совсем расслабился перед пенсией?» Василий вышел в коридор и перехватил участкового Панамаренко.

– Ну-ка, Валера, дай взглянуть в паспорт.

Панамаренко безропотно протянул Куприянову документ.

– Терёхина Маргарита Львовна, – прочитал вслух Василий. – Маргарита Львовна, – снова повторил он. И после небольшой паузы прошептал сам себе. – Так это же Маргарита! Как же я её не вспомнил?

Он ещё раз зашёл на кухню, где санитары уже собрались выносить умершую, и взглянул на старушку.

– Ну ты, конечно, тётя Рита, сильно изменилась, – тем же тихим голосом сказал Василий смотря на Маргариту, – поэтому я сразу тебя и не признал.

– Так может, мы пойдём? – недовольно спросил небритый санитар.

Василий, не смотря на санитара, кивнул и прикрыл лицо старушки простынёй.

– Так ты что, Василий Иванович, знаешь эту бабушку? – спросил закончивший свои дела в спальне Маргариты Безуглов.

– Знаю, Серёжа. Только не видел уже много лет. А если точнее, последний раз я встречался с ней в семьдесят... – Василий задумался, вспоминая год. Потом покачал головой. – В семьдесят каком-то. Только жила она тогда в общежитии. Комната там у неё была двенадцать квадратных.

– Эх ты! Святые угодники! Откуда же у бабули такие капиталы нарисовались за это время? – удивился Сергей.

– Вот и я о том же, Серёжа. В этих домах на Тимирязева, одни «шишки» жили. Вот этот понатой в пижаме, – Куприянов едва заметным кивком указал на пожилого соседа Маргариты, – знаешь кто такой?

Следователь пожал плечами.

– Этот старикан, бывший заведующий отделом пропаганды в обкоме. Местный Суслов.

– Шишка! – Безуглов присмотрелся к старику.

– Он-то шишка, а Маргарита простой гардеробщицей была.

– Иваныч, ты не усугубляй. Тётушка могла замуж выйти и сюда переехать или родственники оставили наследство. Мы же в этом не копались.

– Чую, Серёжа, надо копнуть, – задумчиво сказал Василий и смачно понюхал сигарету.

– Что, чуйка опять сработала? – спросил Безуглов.

Куприянов как-то странно вздрогнул, чуть не подпрыгнув.

– Вспомнил! – Василий ткнул пальцем в грудь следователю.

– Что вспомнил? – насторожился Сергей

– Колье вспомнил!

Глава 2

1994 год. 19 июня. 14:02

Куприянов уже больше тридцати минут сидел в приёмной начальника. Надежда, секретарь, крупная молодая женщина с неподвижным лицом, звонко щёлкала ногтями по клавишам печатной машинки. Василий подёргивал ногой от нетерпения. Он хотел поскорее переговорить с полковником Габашидзе. Но тот задерживался. Надежда, не отрывая глаз от бумаги, произнесла:

– Василий Иванович, не нервничайте. Вы так трясёте ногой, что расшатаете стул. Михаил Ревазович скоро будет.

Василий перестал трясти ногой и стал барабанить пальцами себе по коленке. Он не знал, как отреагирует на его просьбу начальник. Габашидзе, до того как стать начальником был хорошим сыщиком. Много лет проработал «на земле». Имел большой опыт и две пули в теле. Куприянов очень легко находил общий язык с Михаилом Ревазовичем. Но сегодня просьба Василия будет выглядеть необычно. Пойдёт ли навстречу начальник или нет? Для Куприянова это было принципиально.

И вот дверь приёмной распахнулась, на пороге появился высокий и стройный широкоплечий брюнет, скорее славянской, чем кавказской наружности. На висках уже поселилась седина, но это только придавало шарм молоджавому боевому полковнику Габашидзе.

– Василий Иванович?! – сказал, увидев Куприянова, начальник. – Дело ко мне?

Василий встал и еле заметно кивнул. Он немного расстроился, потому что вместе с начальником пришёл Лялин, заместитель Габашидзе. Редкий дармоед. Куприянов не хотел при нём говорить с Михаилом. По взгляду Куприянова тот всё понял и спросил:

– Это срочно или можно потом в спокойной обстановке обсудить? – под спокойной обстановкой Михаил подразумевал отсутствие Лялина.

– Срочно, – тяжело вздохнув, ответил Куприянов.

Габашидзе открыл дверь своего кабинета и жестом пригласил Василия.

– Михаил Ревазович, – начал, даже не присев, Куприянов, – вы помните семьдесят шестой, ограбление на Петровской. Квартира любовницы Кононенко.

– Но- но! – вдруг вставил свои пять копеек Лялин. – Не передёргивайте, Куприянов! Это была не любовница первого секретаря, а его родственница.

Габашидзе бросил вопросительный взгляд на заместителя.

– Остывь, Александр Николаевич, не при Советах теперь живём. Можно говорить прямым текстом. Любовница она была. Любовница! – твердо сказал начальник.

Лялин не осмеливался спорить с Михаилом.

– Продолжай, Василий Иванович.

Куприянов достал из чёрной кожаной, сильно потёртой папки чёрно-белое фото и положил его на стол.

– Что это? – спросил Габашидзе.

– Золотое кольцо. Уникальная вещица, – пояснил Куприянов. – Тогда его не нашли. А сегодня нашли.

Полковник ткнул пальцем в фотографию.

– Это?

– Да это, – подтвердил Василий.

– Где?

– В квартире умершей старушки. В той, куда вы меня сегодня с утра послали номер отбывать.

Начальник взял фото и покрутил его в руках.

– Ты это из архива выдернул? – спросил он Василия.

– Нет. Это моя фотография.

– А! Ну да! Слышал я о твоей привычке.

– Есть такое.

– А что за привычка? – нервно спросил Лялин, явно не понимая, о чём говорят Габашидзе с Куприяновым.

– Василий Иванович, – пояснил полковник, – хранит фото или описание того, что не нашли. Случай подвернулся, а ему не надо в архив запросы писать. Всё есть в сейфе. Правильно, Василий?

Куприянов согласно кивнул.

– Ну что ты притих, Василий Иванович? – развёл руками Габашидзе. – Давай! Выкладывай что у тебя там в голове зародилось.

Василий положил чёрную папку на стол, достал из пачки сигарету, помял её, понюхал, глубоко вздохнул и сказал:

– Надо бы дело возобновить. Нехорошо, когда вор остался на свободе. Неотвратимость наказания – вот наш принцип.

– Вы что, товарищ Куприянов, с ума сошли? – заверещал Лялин. – У нас и так беда с кадрами. Работать некому! А вам взбрело в голову возобновлять дело двадцатилетней давности! Михаил Ревазович, да скажите вы ему!

Габашидзе многозначительно посмотрел на Лялина, потом на Куприянова, потом опять на заместителя. Почесал лоб.

– Василий, скажи честно, – спросил он Куприянова, – зачем тебе это надо. Ты через месяц, а может и раньше, уже будешь на пенсии. Работу себе хорошую найдёшь. Денежную. Такого спеца как ты с руками оторвут. Зачем тебе эта канитель с давно закрытым уголовным делом. Подумаешь, вора не нашли. Может, он уже давно на том свете? Зачем тебе это, Василий?

– Надо! – Куприянов продолжал крутить в руках сигарету. – Я с этого дела считай, начал свою службу. Надо это дело закончить. Важно для меня это, Михаил Ревазович.

– Нет! Вы что, Куприянов, не слышите нас? – снова вмешался в разговор Лялин. – Вам русским языком объясняют. У нас новые дела не раскрыты. Бандитизм голову поднял. Детей на улицу выпускать опасно. Да что там дети! Сам выходишь и оглядываешься! А вы с этим протухшим делом пристали. Идите домой, Василий Иванович! Не мешайте нам работать!

– Где «работать», а где вы? – жестко сказал Куприянов, посмотрев исподлобья на зама. – Не путайте эти понятия, Александр Николаевич.

При этих словах Василий сломал сигарету и бросил её в пепельницу. Лялин открыл рот от возмущения и направил свой обезумевший и одновременно обиженный взгляд на начальника. Он явно просил Габашидзе вмешаться. Если бы Лялину подобным образом ответил не Куприянов, а кто-либо другой, то он бы заорал так, что стёкла полопались. Но Василий Иванович обладал в управлении непревзойдённым авторитетом. Лялин понимал, что он против Куприянова мелковат.

Габашидзе, поймав беспомощный взгляд заместителя, изобразил на лице гримасу, говорящую о том, что он, мол, тоже не в силах противостоять опытному сыщику. А по сути, Михаил был очень даже согласен с Василием. Лялин явно был лишним в его аппарате. И должность эту он получил только благодаря влиятельному родственнику. Александр Николаевич сильно мешал работе, но избавиться от балласта было непросто. Мохнатая лапа стойко обороняла место Лялина.

– Успокойтесь! – властно сказал полковник. – Василий Иванович, и вы, Александр Николаевич, сядьте. Спрячьте свои эмоции. Мы здесь не торговки на базаре.

Оба оппонента, повинувшись начальнику, сели напротив друг друга. Габашидзе скрестил руки у подбородка и обратился к Куприянову.

– Василий, прокурор не подпишет.

– Подпишет.

– Почему так уверен?

– Я уже звонил Молчанову. Он согласен.

– Я сразу мог догадаться, что у тебя, Василий, уже всё на мази. Зачем тогда комедию ломаешь? Сразу не мог сказать, что твой друг Молчанов уже в курсе?

– Так положено.

– Что тогда тут обсуждать? – полковник налил из графина воды и выпил залпом. – До приказа на пенсию успеешь?

– Попробую. Если не успею, тогда задержусь.

– Это как? – вскрикнул Лялин.

Габашидзе и Куприянов одновременно посмотрели на заместителя, как смотрят на самого отсталого двоечника в классе. Лялин сразу всё понял и виновато опустил голову.

– Ладно, Василий Иванович, – протянул руку сыщику полковник, – иди, раскручивай свой раритет.

Василий ответил на рукопожатие и пошёл к выходу. Тут Габашидзе его остановил вопросом:

– Василий, а сколько там было эпизодов?

– Пятнадцать.

– Эх ты, – крикнул Лялин, – за пятнадцать эпизодов вора не поймали! Хороши были сыщики! – глаза зама блеснули ехидством.

Михаил махнул Куприянову, чтобы тот выходил, а он попытается втолковать Лялину, что преступники гораздо умнее и хитрее, чем представляет себе Александр Николаевич.

1972 год. 12 мая. 21:05

Люба сегодня устала как никогда. Она еле тащила ноги. В театре был утренний спектакль, а потом изнурительная репетиция. Труппа готовилась выезжать на гастроли. Люба Пожарская пришла в труппу сразу после театрального училища. Ещё за год до окончания она знала, что будет служить в этом областном театре. Главный режиссёр театра Борис Забродский заметил талантливую девушку на экзаменах и предложил Любе место. Пожарская, девушка прагматичная и трезво оценивающая свои возможности в провинции, недолго думая, согласилась. И вот теперь, благодаря своей внешности, таланту и, конечно, не без лёгкой руки Бориса Константиновича, Любовь Пожарская ведущая молодая актриса известного в стране театра. Поклонники, внимание влиятельных мужчин, ненависть, порой совершенно не прикрытая, со стороны женской половины театрального коллектива. Все эти незабвенные атрибуты театрального закулисья теперь стали спутниками жизни Любы Пожарской.

Жила Пожарская в трёхэтажном доме послевоенной постройки. Квартира досталась ей от отца. После смерти мамы, Люба тогда оканчивала первый курс, отец женился на своей сотруднице и переехал в другой город. С тех пор они не виделись. Только письма и несколько телефонных звонков. Но материально Владимир Гаврилович, так звали отца, Любу не бросал. Он обеспечивал её вплоть до окончания училища.

В этот тёплый майский вечер, подходя к своему подъезду, Люба остановилась, доставая ключ из сумочки. Лучше это было сделать перед входом в подъезд. Здесь хотя бы светила тусклая лампочка, а внутри было как всегда темным-темно.

– Любаша, девочка моя! – вдруг услышала Пожарская хриловатый женский голос. Какие-то знакомые нотки в этом голосе были. – Что, не признала меня?

Люба пыталась понять кто перед ней. Женщина стояла спиной к слабой лампочке, поэтому разглядеть можно было только её контур. А вот лицо было полностью в тени.

– Иди, обними тётю Риту! – женщина развела руки и двинулась навстречу Пожарской. – Чай не признала, племяншка?

– Господи! Тётя Рита, вы что ли?

– Так я это, я!

Тётя Рита крепко прижала хрупкую девушку к себе. Нельзя сказать, что Люба обрадовалась внезапному появлению Маргариты, маминой сестры. Племянница не видела свою родственницу лет десять. И, честно говоря, не думала, что когда-нибудь свидится с ней. Ни мать Любы, ни отец не жаловали Маргариту Львовну. Были на то причины. Но Люба помнила, что в детстве и отрочестве ей было с тёткой интересно. Она была тогда весёлая, озорная и жила совсем не по советским правилам. Красиво одевалась и делала Любе подарки в тайне от родителей. Кстати, так же как и Люба, училась в театральном. Но в профессию так и не пошла. Маргарита пошла совсем другим путём.

– Так что же мы стоим? – вдруг очнулась Пожарская. – Пойдёмте в дом.

Женщины поднялись в квартиру. Маргарита поставила у порога свой небольшой чемодан и бросила на него серый плащ, до сих пор висевший на руке. Небрежно скинула стоптанные туфли и пошла осматривать квартиру. Люба всё это время наблюдала за родственницей с неким удивлением. При свете Маргарита выглядела совсем неважно. Когда-то эффектная, зеленоглазая красавица превратилась в перезревшую тётку. Талия пропала, волосы скорее похожи на копну соломы, морщины прорезались не только на лице, но и на шее, да и сама шея стала заметно короче. «Тётка, – подумала Пожарская, разглядывая исподтишка Маргариту. – Такие тётки торгуют у нас квасом на улице летом. Все на одно лицо. Вернее, на одну фигуру. Инкубаторские».

– А Гаврилович- то, где? – прервала размышления Любы тётя.

– Папа давно живёт в другом городе. У него новая семья.

– Ишь ты! Тихоня, тихоня, а бац и в дамки. Шустрый мужичок твой папа.

– Не суди, да не судим будешь, – процитировала Люба и строго посмотрела на Риту. – Это все ваши вещи? – Люба указала на чемодан и плащ.

– Все, – со странной улыбкой ответила тётя.

– Несите их в мою комнату. Спать будете там. А я перейду в мамину спальню. Потом приходите на кухню, сделаем ужин.

После ужина Маргарита принесла из чемодана коробочку с «Герцеговиной флор». Она держала папиросу между пальцев, стараясь не помять мундштук. Чиркнула спичка, струйка сизого дыма поползла к потолку. Рита затянулась несколько раз и, подперев голову рукой, уставыми глазами стала рассматривать племянницу.

– Красивая ты, Любаша. Нашего ты племени.

Люба молчала. Она не знала как вести себя с тётушкой. Что-то настораживало Любу. Поведение Маргариты было ей непонятно. Поэтому она решила закончить на сегодня общение с родственницей и перенести всё на утро.

– Тетя Рита, вы, наверное, устали. И мне тоже поспать надо. День был тяжёлый. Идите в душ. Я сейчас принесу полотенце.

– Вижу, что не ожидала, – вдруг вслух озвучила свои мысли тётя.

– Чего не ожидала?

– Не ожидала, что я вот так нарисуюсь, – в речи Маргариты проскочили какие-то грубые нотки. – Телеграмму ты мою, конечно, не получила.

– Не было никакой телеграммы.

– Видишь, как бывает, – продолжала, затягиваясь папиросой Рита. – Деньги я заплатила, а телеграмма так и не пришла.

Никакую телеграмму Маргарита не отправляла. Она врала. Дело обстояло совсем не так. Она понимала, что в этом доме Маргарита Терёхина нежелательный гость. Поэтому и решила

приехать внезапно. Ну не выгонят же родственницу вот так сразу. Какое-то время пожить дадут. А за «какое-то время» можно разрешить много проблем. Даже изменить к себе отношение Пожарских.

После того, как Терёхина отсидела свой срок в колонии, она должна была пять лет прожить в Тюмени. Выезжать оттуда ей запрещалось. И вот в прошлом году в одном из журналов, Маргарита Львовна увидела фото своей племянницы. Молодая перспективная актриса театра давала интервью одному из столичных журналистов. Тётушка поняла, что это шанс. Не воспользоваться таким случаем – грех. Такая удача выпадает нечасто. Теперь можно попробовать вырваться из холодной Тюмени и осесть в южном сытном городе. Тем более, что скоро срок ограничения на выезд заканчивается. С участковым, который надзирал за Ритой, отношения ровные, он возражать не будет.

Боялась тётушка только того, что воспротивится её приезду Владимир Гаврилович. Он на дух не переносил «эту воровку», так Пожарский называл сестру своей жены. Поэтому прежде чем появиться по знакомому адресу, Маргарита Львовна целый день провела около областного театра. Ей не составило труда выяснить всё необходимое о своей племяннице. Там же она узнала, что Люба живёт одна, а Пожарский женился и уехал из города. За спиной выросли крылья. И Терёхина смело ринулась в наступление. Результат – она сидит на кухне в шикарной по тем временам квартире. У неё есть своя комната, она сыта и все прелести жизни снова обещают вернуться.

– Тётя Рита, я действительно устала и хочу спать, – сказала Люба, не желая продолжать неприятную беседу. – И ещё у меня к вам просьба. Не курите в квартире. Для этого есть балкон.

Маргарита сделала формальный жест, как бы разгоняя дым, и потушила папиросу.

– Прости, Любаша, расслабилась, – сказала тётя и виновато улыбнулась.

Люба вышла из кухни и вернулась с полотенцем.

– Это ваше полотенце. Идите в душ, а я постелю постель.

– Люба! – остановила племянницу Маргарита. – Давай договоримся. Ты не будешь мне больше выкать. Хорошо?

Пожарская немного задумалась. Ей было сложно называть на «ты» женщину, которая за прошедшие годы стала для неё чужой. Да и идти на поводу у своей незваной гостьи Люба не хотела.

– Я постараюсь к этому привыкнуть, – сухо ответила Пожарская. – Идите в ванную.

1973 год. 5 августа. 15:40

Василий следовал за Подгорным как привязанный. Раз Панкратов сказал, что Андрей быстро всему научит, значит надо так и делать. Квартира, в которую они приехали по вызову, находилась в новом кооперативном доме. Обставлена была хорошо. Новая мебель, цветной телевизор – дорогое удовольствие по тем временам. В каждой комнате большие цветастые ковры. Много картин и хрусталя. В серванте стоял дорогой гэдээровский сервиз на двенадцать персон. Совсем не было похоже, что эту квартиру обворовали. Обнесли, как выражались уголовники. Лишь большая шкатулка с открытой крышкой, стоявшая на комод, намекала на пропажу чего-то дорогого.

В кресле, рядом с комодом, сидела женщина средних лет. Она всхлипывала. В руке у неё был платок, которым она то и дело смахивала слёзы. На комод стоял пузырёк валерианы и стакан с водой. «Вот так выглядит человеческое горе, – подумал Василий».

В комнату уверенным шагом вошла пожилая женщина. Короткая стрижка, никаких украшений и макияжа. На ней была тёмно-серая юбка ниже колен, плотные чулки, сверху жакет и белая блузка, застёгнутая на все пуговицы. Одежда была явно не по погоде. В руках она держала толстую коричневую папку.

– Здравствуйте, Елена Яновна, – вежливо поздоровался Подгорный.

Женщина кивком ответила на приветствие Андрея и, не меняя строгого выражения лица, оценивающим взглядом посмотрела на Куприянова. Затем повернулась к заплаканной женщине и сказала:

– Меня зовут Елена Яновна. Фамилия – Зиновьева. Я следователь. Вы готовы ответить на мои вопросы?

Женщина посмотрела на следователя и расплакалась во весь голос.

– Понятно, – сказала Зиновьева и, потеряв на некоторое время интерес к потерпевшей, опять обратила свой взор на Куприянова. – Новенький? – спросила она

– Василий Куприянов, – вместо Куприянова ответил Андрей Подгорный. – Позавчера прибыл к нам. Свежий- свежий. Только из-за парты.

– А у свежего нет языка? Не балуй молодёжь, Подгорный. Пусть учится сам за себя отвечать.

– Лейтенант Куприянов Василий Иванович, – спокойно сказал Василий. – Назначен к вам в отдел по борьбе с кражами.

– Чего в армии не остался? – внезапно спросила Зиновьева. – Там бы у тебя хорошо получилось.

Василий был удивлён. Он на самом деле думал после срочной службы пойти в военное училище. Но замполит, майор Романский, убедил поступить в юридический. В милиции катастрофически не хватало хороших кадров. Из политуправления пришло указание лучших ребят направлять туда.

Куприянов решил не строить догадки, а спросить Елену Яновну напрямую:

– Откуда вы взяли, что я хотел остаться в армии?

– Так тут нет никакой загадки. Если хочешь стать хорошим сыщиком, научись всё быстро анализировать. Тогда не надо будет задавать лишних вопросов. Подумай. Догадаешься – расскажешь. Время у нас тут будет достаточно.

Зиновьева села на диван и не по-женски резко придвинула к себе массивный журнальный столик. Положила на него папку, достала оттуда протоколы, ручку и приготовилась к работе. Василий в этот момент подошёл к Зиновьевой, наклонился и тихо сказал:

– Я догадался.

– Ну!? Давай! Выкладывай! У нас тут нет времени долго рассусоливать, – поторопила Василия следователь.

– Я представился лейтенантом. А в милиции воинские звания только в этом году ввели. Правильно?

– Правильно! Садись пять, Подгорный, – Зиновьева сделала властный жест, подзывая к себе Андрея. – Пойдите и опросите всех, кого встретите во дворе и жильцов подъезда. Только быстро. И ещё, Андрей, научи этого парня всему. Похоже Василий Иванович у нас перспективный. У нас таких немного.

– Слушаюсь, Елена Яновна, – картинно козырнул Подгорный и, взяв Василия за рукав, повёл за собой.

Опрос ничего определённого не дал. Воскресный день. Лето. Многие в отпусках. Другие на пляже или даче. А кто дома, изнемогая от жары, размякли и сидят под вентилятором. Никто ничего подозрительного не видел. Соседка, из квартиры напротив, готовила на кухне и никаких странных звуков не слышала. Одним словом – зацепиться не за что. С этой информацией Подгорный с Куприяновым пришли к следователю. Та продолжала беседу с потерпевшей, пытаясь хоть что-то важное выудить из плачущей хозяйки квартиры. Увидев вернувшихся оперативников, Зиновьева обратилась к женщине:

– Надежда Петровна, вы, пожалуйста, успокойтесь и попробуйте ещё раз вспомнить с момента возвращения вашего мужа из командировки до сегодняшнего вечера. А я пока переговорю с сотрудниками.

Она решительным шагом прошла на кухню, достала из бокового кармана жакета папиросу. Подкурила и глубоко затянулась.

– Рассказывайте, – строго сказала она, выпустив мощную струю дыма.

– Никто ничего, – сухо сказал Подгорный.

– Понятно, – вздохнула Зиновьева и после небольшой паузы продолжила. – Хозяйка уехала провожать мужа.

– Простите, а муж у нас кто? – уточнил Андрей.

– Муж у нас инженер-химик. На севере работает. Зарабатывает очень хорошо. В гараже «Волга», полный дом барахла. Сами видите. Рейс был в 12:30. Выехали заранее. Вызвали такси на 9:00. Вернулась Надежда Петровна около двух. Предварительно зашла в магазин тут на проспекте и сразу домой. Ни во дворе, ни в подъезде никого не встретила. Открыла дверь ключом. Опять ничего подозрительного. И только минут через тридцать заметила, что шкатулка стоит на комод.

– А где она должна стоять? – уточнил Подгорный.

– В верхнем ящике. Хозяйка говорит, что они с мужем никогда шкатулку с драгоценностями на виду не оставляли.

Зиновьева резким движением потушила папиросу и махнула головой, призывая за собой оперативников. Зашли в гостиную. Елена Яновна открыла поочерёдно все ящики комода.

– Смотрите внимательно, – сказала она. – Пойдёмте в спальню.

Зайдя в спальню, Зиновьева открыла шифоньер.

– Всё видите?

Собственно ничего особенного увидеть было невозможно. Всё обычно. Аккуратно сложенные личные вещи хозяев. Следователь открыла следующую дверцу.

– Вот в этой коробке из-под обуви, лежали деньги. Много, – продолжала Елена Яновна экскурсию по злосчастной квартире.

– Для меня много, – оглядывая отделение шифоньера, сказал Подгорный, – это двести рублей.

– Шесть тысяч, – шёпотом произнесла Зиновьева.

– Сколько? – в один голос переспросили опера.

Зиновьева не решилась ещё раз произнести вслух. Она показала шесть пальцев на руке.

– Там дальше комната детей, – продолжила следователь. – Дети студенты. Сейчас в стройотряде. Смотреть не будем. Там ничего не пропало. Там собственно и брать было нечего. Книги, учебники и личные вещи. Разве что магнитофон импортный. Но он большой и тяжёлый. Теперь вы всё видели. Есть мысли?

Подгорный долгим взглядом осмотрел ещё раз спальню. Потом зашёл в гостиную и заглянул в комод, сервант, в тумбочку под телевизором. Осматривал аккуратно, стараясь ничего не нарушить. Василий следовал строго за Андреем.

– Андрей, – наклонившись к товарищу, спросил Василий тихо. – А я могу задать вопрос потерпевшей.

– Конечно! Ты чего стесняешься?

Василий подошёл к хозяйке квартиры.

– Надежда Петровна, а вы уверены, что в комнате детей ничего не пропало?

– Ну не знаю, – женщина тяжело дышала. – Если только я чего-то не видела у девочек. А так, даже Варина «Монтана» на месте. Эти джинсы месячную зарплату стоят. И наушники импортные муж подарил младшей. Дорогушие. Тоже вор не тронул.

– Значит там всё на месте?

– Вроде бы да.

– А можно я туда зайду, – спросил Василий то ли у хозяйки, то ли у Зиновьевой.

– Иди, иди, – безразлично сказала Зиновьева. – Посмотри.

Куприянов зашёл в комнату дочерей. Он не понимал, но что-то его туда тянуло. Его преследовало чувство, что в этой комнате он может найти ключик к разгадке преступления. Уже позже, спустя несколько лет, Василий стал основательно прислушиваться к своей интуиции. Его, так называемое шестое чувство, не раз помогало раскрытию. Но это он понял потом, а сегодня просто очень хотел осмотреть комнату, в которой ничего не пропало. Сразу было понятно, в комнате живут девочки. Аккуратно заправленные кровати стояли по разным углам. Письменный стол был один, но стула около него было два. На столе стопкой лежали какие-то учебники и цветные импортные журналы. «Ну а что? – думал Куприянов. – Девчонки. На уме красивые шмотки. Это нормально». Большой, четырёхсворчатый шкаф стоял справа от входной двери. Открывать его Василий не стал, раз хозяйка сказала, что самые дорогие вещи девочек на месте.

Куприянов постоял минуту, другую, внимательно запечатлев в памяти все, что видел в комнате, и вышел.

Выйдя на улицу после завершения всех обязательных процедур, Зиновьева села на лавочку у подъезда. Закурила. Через пару минут вышли Подгорный с Куприяновым. Зиновьева подняла голову и усталым голосом спросила:

– Ну бойцы! Есть свежие мысли? Что можете добавить?

– Про очевидное говорить не буду, – сказал Андрей. – Думается мне, что домушник может быть вовсе не местный. Не припомню я, чтобы так работали у нас. Тряхну сегодня информаторов.

– Вор уж больно аккуратный, – вставил Куприянов. – Отпечатков нет, ничего не сломано. Он или не торопился никуда, или знал точно, что где искать, или...

– Что или?!

Куприянов сам испугался своего предположения. Оно показалось ему нелепым. Однако вопросительные взгляды Зиновьевой и Андрея заставили говорить дальше.

– ... Или это вовсе не вор.

Глава 3

1994 год. 20 июня. 11:19

– Не могу я так, Михаил Ревазович, – чуть ли не плача возражал кадровик Борисов. – Не положено так. Как я верну документы?

– Не знаю я как там у вас кадровиков, это делается, Толя, но увольнение Куприянова надо тормознуть, – Габашидзе, измученный дневной жарой, пытался настроить вентилятор. Тот упрямо не хотел дуть куда надо. То и дело опускался и дул в пол. – И вот этот противный прибор тоже не знаю, как настраивается. Надежда!

В кабинет вошла секретарша.

– Михаил Ревазович, – сказала Надежда спокойным невозмутимым тоном, – я сейчас позвоню в хозяйств, вам заменят вентилятор. – Подождите немного.

Надежда вышла.

– Вот видел? – Габашидзе указал на дверь, за которой скрылась девушка. – Я только сказал – Надежда. И всё – вопрос решается.

Борисов издал стон.

– Не стони, Анатолий. Включай личные связи. Прошу тебя, останови увольнение Куприянова. Это очень важно.

– Пойду пробовать, – глубоко вздохнув, сказал Борисов и вышел из кабинета.

1972 год. 15 мая. 13:05

– Зиновий Моисеевич, я вас очень прошу, помогите нам, – Люба уже битый час уговаривала директора Брука взять Маргариту хоть на какую-нибудь работу в театр.

– Любочка, – наклонив голову, хриплым шёпотом говорил Брук, – я тебя очень люблю. Я не могу насытиться твоей небесной красотой. Я готов отдать тебе последнюю рубашку. Но у меня нет сейчас вакансии для Маргариты Львовны. Как только...

– Хотите я вас поцелую? – перебила директора Люба.

– Это запрещённый приём, Люба! На Нюрнбергском процессе мировая общественность осудила издевательства над евреями. Не смей!

– Неужели ничего нельзя сделать? – Люба опустила на стул и в уголках её глаз блеснули маленькие слезинки.

– Боже мой! – запричитал Зиновий. – Пусть твоя тётя выйдет и подождёт в коридоре. У меня есть, что тебе сказать наедине.

Маргарита встала, зло зыркнула на директора, но возражать не стала.

– Люба, я подожду за дверью раз так надо.

Дождавшись, когда дверь за Терёхиной закроется, Зиновий Моисеевич присел на стул рядом с плачущей Пожарской. Он нежно погладил Любу по голове и сказал:

– Любочка, неужели ты не понимаешь, что я не могу взять на работу человека судимого. Тем более без прописки.

– Прописку я сделаю.

– Ладно, прописка у Маргариты будет. А судимость? У нас кругом материальные ценности. У нас высокие гости почти каждый день. Элита областного центра. Меня не поймут.

– Даже билетером не возьмёте? – Люба, сказав это, обиженно опустила уголки губ.

– Боже! Что ты со мной делаешь? – взвыл Брук и заходил по кабинету как тигр в клетке. – Ну хорошо. Делай ей прописку. Постоянную! И приходите с документами. Билетёром возьму. Пока временно. Только ради твоего спокойствия, Любочка, только ради.

1973 год. 7 августа. 10:14

Андрей с Василием ждали у кабинета Зиновьевой уже больше десяти минут. Подгорный посмотрел на часы.

– На неё это совсем не похоже, – покачав головой, сказал он.

– Мне тоже сразу показалось, что Елена Яновна происхождением из спартанцев, – добавил Куприянов.

– Она пунктуальна как кремлёвские куранты. Вообще ты знаешь, Вася, легендарная тётка.

– Можно одну просьбу? – глухим голосом, немного съёжившись, спросил Василий. Андрей упёрся в Куприянова настороженным взглядом. – Прошу, никогда не называйте меня Васей. Я Василий. Можно Иваныч. Только не Вася. А про легендарную Елену Яновну расскажи.

– Я понял! – Андрей хлопнул Василия по плечу. – Я помню в первый год, как я пришёл в управление, на ноябрьском торжественном концерте увидел Елену, и челюсть у меня отвисла. Ордена и медали отсюда и досюда. Потом старики рассказали. Она в сорок третьем, как только ей восемнадцать исполнилось, пошла на фронт. Она полячка, её сразу в разведку забрали. Зиновьева это фамилия по мужу. Он в сорок девятом погиб на западной Украине. Бандеровцы убили. Так вот, с весны сорок четвёртого она с группой в польских лесах, в тылу у немцев работала. Там какие-то местные их сдали гестапо. Попала Зиновьева в плен. Пытали её. Должны были расстрелять, но случай помог. Наше наступление началось и передовая группа прорвалась в этот городок. Снаряд из танка попал в комендатуру. Там нашу Зиновьеву в камере и завалило. Если бы не завалило, расстреляли бы немцы. Откопали Елену всю переломанную, но живую. Она восстановилась и потом ещё несколько лет в своей родной Польше бандитов Армии Крайовой вылавливала. Понимаешь, Василий, с кем рядом работаем?

– А по ней видно, что женщина она незаурядная.

В этот момент из-за угла решительным твёрдым шагом вышла Зиновьева.

– Я должна извиниться. Вы потеряли важное время. Совещание затянулось. Заходите в кабинет.

В кабинете Елена Яновна убрала документы в сейф и, усадив оперативников перед собой, сказала:

– Докладывайте! Коротко и только важное. Куприянов, сначала вы.

– Я проверил свою версию. У мужа, дочерей и сестры – алиби. Никто из них в это время не мог быть в квартире. Сама хозяйка вне подозрений.

– Уверен?

– Абсолютно!

– Значит, это все-таки был вор, – сделала вывод Зиновьева. – Что у тебя, Андрей?

– Озадачил информатора. Завтра, послезавтра, что-нибудь в клюве принесёт. По скупщикам у нас Рыбак спец. Он уже работает.

– Понятно, что ничего непонятно, – Зиновьева, нахмутив брови, уткнулась взглядом в стол.

– Елена Яновна, – Василий отвлёк следователя от раздумий.

– Что?

– Сумму взяли большую. Если это наш контингент, должны начать тратить.

– Куприянов, – Зиновьева смотрела на молодого сыщика поверх очков, – никогда не смотри на преступника как на идиота. Скажи, ты бы после такого удачного дела, стал тратить деньги тут же, открыто?

– Я нет.

– А почему ты думаешь, что этот вор или воры глупее тебя? Я даже так вам, brave ребята скажу: они и золото здесь сбывать не будут. Зачем им это? Полные карманы рублей. До Крыма рукой подать. А там для этой братии золотое дно.

– Простите, Елена Яновна, не подумал, – извинился Василий.

– Да нет, Куприянов, ты как раз подумал. Знаешь что? А дам я на всякий случай ориентировку. Мало ли что? Вдруг наши воры решат-таки кутнуть. Вероятность мала, но она есть.

Зиновьева встала со своего стула, подошла к Василию и положила ему руку на плечо.

– Извини, Василий Иванович, – сказала она. – Ты ещё полуфабрикат. Тебе только предстоит стать хорошим сыщиком. Послушай моего совета. Никогда не отметай даже самые бредовые мысли. Проверяй всё. Иногда то, что кажется невероятным и есть самое вероятное. А теперь идите, работайте. Завтра в десять у меня.

1994 год. 21 июня. 9:02

От этого запаха всегда появлялась какая-то приторная оскоми́на во рту. «Как они здесь целыми днями работают и живут? – думал Куприянов, направляясь по коридору морга в кабинет судмедэксперта. – Тут поневоле курить начнёшь». Он вспомнил своё знакомство в семьдесят третьем с седовласым экспертом Богданом Шуляком. Интересный был старикан. Спокойный, размеренный. Он любил повторять, что в этом здании уже никому никуда торопиться не надо. Когда следователи торопили Богдана с заключением, он всегда говорил: «Приходите». Когда те приходили к нему, он выходил из своего кабинета и, оглядевшись по сторонам, произносил:

– Посмотрите, вы видите кого-нибудь спешащего по этим коридорам? Любезный, здесь жизнь останавливается. Поэтому у нас здесь тихо, спокойно и никаких преступлений. Давайте сделаем так: я налью вам чаю, настоящего, индийского, из пачки со слонем. И пока вы будете его пить, я не торопясь напишу заключение. Вам хорошо и мне спокойно.

В тот день Панкратов послал молодого оперативника к Шуляку за заключением. Василий ждал Богдана в коридоре. Эксперт вышел из прозекторской с поднятыми руками. Рукава халата были завернуты выше локтя. На одной из них висел грязного цвета фартук, в другой дымилась папироса.

– Куришь? – спросил седовласый Шуляк.

– Нет, пронесла нелёгкая, – иронично ответил Василий.

– Это ненадолго. Вот на эти «добрые» лица посмотришь, – при этих словах он кивнул в сторону открытой двери прозекторской, – и закуришь. Папироса действует лучше, чем валидол.

– Если честно, надеюсь справиться без папирос.

– Вы очень правильный молодой человек. Кстати, как вас зовут?

– Василий Куприянов. Я от Панкратова. Он вам звонил.

– Да, Илья Петрович мне звонил. Пойдёмте со мной, Василий.

Шуляк шёл неспешно, попыхивая папиросой. Руки он так и не опускал, будто боялся испачкать халат. Зайдя в кабинет, Богдан устало присел на кушетку рядом с рабочим столом. Освободился от фартука и глубоко затянувшись, потушил папиросу в пепельнице.

– Будь добр, Василий, – наконец опустив руки себе на колени, сказал Шуляк. – Вон бордовая папка на столе. Возьми там верхнюю бумажку. Это то, что нужно Панкратову. И иди с Богом.

– Спасибо, – Василий взял лист бумаги, исписанный уборым неразборчивым почерком. – До свидания!

– Вам очень повезло, – вдогонку уходящему Куприянову сказал Шуляк. – Ну, во-первых, что вы попали к Илье Петровичу. Это удача. Таких людей становится всё меньше и меньше. Во-вторых, что вы расследуете кражи, а не убийства. Значит, очень редко будете посещать наше заведение.

Богдан внезапно откинулся назад и, прислонившись к покрашенной в блеклый салатовый цвет стене, замолчал. Василий после небольшой паузы спросил:

– А, в-третьих, будет?

– А как же! В-третьих, хорошо то, что вы не пошли в судмедэксперты.

– Тяжёлая работа?

– Понимаете, Василий, неблагодарная. Представляете, сколько людей прошло через мои руки. И никакой пользы. Они со мной не разговаривают. Я не получаю никакой полезной информации. Это плохое общество. Плохое, – Шуляк встал с кушетки, подошёл ближе к Куприянову и, улыбнувшись, продолжил. – Ну и, в-четвертых, вы молоды, а значит у вас всё впереди. И радости, и горести, и любовь, и расставание, и удачи с неудачами. У вас впереди жизнь. Цените её и пользуйтесь ей. Дышите ей полной грудью. А если станет грустно и тоскливо, приходите, поболтаем.

И действительно в самые грустные и сложные дни Куприянов приходил к старику-философу. Это помогало Василию не только пережить трудные моменты, но и познать тонкости окружающего мира.

– О чём задумались, Василий Иванович, – прервал воспоминания Куприянова молодой судмедэксперт Гена Стеклов.

– Здравствуй, Гена, – Василий вернулся в реальность. – Что там с Терёхиной?

– А что с Терёхиной? Ясно как божий день. Суицид. Отравление газом. Я даже знаю, почему старушка пошла на такой шаг.

Куприянов сделал вопросительный жест головой.

– Да, да! Знаю! У неё был рак. Видимо понимала, что не выкарабкается. Решила не перекладывать хлопоты на родственников. Просто тихо ушла.

– Это правда, что тихо. Могла уйти со всем подъездом. И очень громко. Соседям повезло.

– Это да! Заключение после обеда будет готово.

– Спасибо, Гена! – Куприянов протянул руку эксперту. Стеклов подставил запястье. Привычка. – После обеда зайду.

– Василий Иванович, а чего это ты за это дело взялся? – спросил Стеклов.

– Долго объяснять, Гена. Тут дело не в трупе. Тут дело в том, что у Терёхиной нашли. Но это большой секрет, – Куприянов хихикнул и, махнув рукой, удалился.

Времени у Василия Ивановича было мало. Надо было как можно быстрее найти ниточку, связывающую кражу в квартире любовницы Кононенко, в семьдесят шестом, и найденное кольцо, похищенное из той квартиры у Маргариты Терёхиной. С чего начать, Куприянов уже определился. Первым делом общага, в которой жила раньше Маргарита, а потом театр. Там, насколько помнил Василий, Терёхина работала в семидесятых годах.

Глава 4

1973 год. 8 августа. 10:13

– И что, никто ничего не слышал и ничего не знает? – Зиновьева была разочарована докладом Подгорного. – В это с трудом верится. Андрей, трясите своих информаторов дальше.

– Я так и делаю, Елена Яновна. Но понимаете, воры сами удивлены. Так чистенько обчистить квартиру, без всяких следов. Тут домушник не промах, а главное навели очень точно.

– Отрабатываешь? – сухо спросила Зиновьева, имея в виду наводчика.

– Отрабатываю.

– Хорошо. Рыбак, – обратилась следователь к Виктору, – по скупщикам есть информация?

– Нет, Елена Яновна, – ответил Рыбак, – но капканы расставил.

– Остается надеяться, что какой-нибудь зверь попадётся. Хотя я в это мало верю. Ладно, – заканчивая беседу, сказала Зиновьева, – работаем дальше. О любой информации немедленно докладывать мне. Идите.

Оперативники встали и двинулись к выходу.

– Куприянов, – окликнула Василия следователь. – Сходи ещё раз на эту квартиру. Вот не покидает меня ощущение, что чего-то мы там не разглядели.

– Понял. Схожу.

– Посмотри ещё раз на всё свежим глазом. Поговори с хозяйкой, с соседями, с людьми во дворе. Не Фантомас же этот вор. Хоть где-то он должен был оставить след.

– Я всё понял, Елена Яновна. Разрешите идти?

– Говорила же, что в армии у тебя бы были большие перспективы, – с едва заметной улыбкой сказала Зиновьева. – Иди, Василий.

Куприянов сразу отправился в кооперативный дом, где находилась обворованная квартира. Дверь открыла девушка, очень похожая на Надежду Петровну, хозяйку квартиры. Василий достал из кармана удостоверение и, развернув его, представился. Девушка внимательно посмотрела на фото. Удостоверившись, что Василий действительно законный владелец удостоверения, широко распахнула дверь.

– Входите, – сказала она и сделала характерный жест.

Василий прошёл в квартиру.

– Мне надо ещё раз опросить Надежду Петровну, – внимательно осматривая всё вокруг, сказал Куприянов.

– Её сейчас нет. Мама на работе, – ответила девушка.

– А вы дочь?

– Да.

– Варя или Света? – уточнил Василий

– Варя. Светку не отпустили. У них на курсе всё строго. А я как узнала, так сразу приехала. За маму волнуюсь. Они с отцом столько лет копили, копили, а эта сволочь вмиг всё вынес.

Куприянов достал блокнот.

– Варя, а я могу вам задать несколько вопросов?

– Спрашивайте, – после тяжёлого вздоха ответила девушка.

– Скажите, а кто из близких и знакомых мог знать, что у вас в доме хранится такая сумма.

– Ну, – Варя задумалась. – Про сумму даже мы со Светкой не знали. То, что деньги папка привозит – знали. Но сколько – нет. У мамы подруг таких близких нет. Она у нас домосед. Работа, магазин, дом, вот и весь её маршрут. Разве что, когда папка приезжает, вытаскивает её в люди.

– А в люди, это куда?

– Ну! На рыбалку берет с собой. В кино, в театр иногда ходят. К папиным друзьям в гости. Вот так.

– Хорошо. А про друзей родителей можете подробней рассказать?

– Это нет. Это вы маму про это спрашиваете. А лучше папку. Он у нас общительный.

– Общительный, говорите, – бормотал Василий, делая пометки в блокноте. – А среди ваших подруг есть такие, которые знали, что у вас в доме водятся деньги и драгоценности.

– Да ничего мои подруги не знали, – возмутилась Варя. – Они придут в гости, мы чай или кофе попьем. Потом в нашей комнате музыку послушаем. Маг у меня классный, фирмовый. Ещё журналы полистаем, чтобы слюнки потекли. Нам-то о таких вещах только мечтать.

– О каких вещах?

– О тех, которые на фотках в журналах. Пойдёмте, я вам покажу, – Варя вскочила со стула и повела Куприянова в свою комнату.

Девушка показала на пачку красивых глянцевых журналов, которая лежала на письменном столе. Василий помнил их. Он обратил на них внимание, когда осматривал комнату.

– Это нам папка привозит. Там у них ребята ездят в командировки за бугор. Оттуда эту красоту и везут. Папка для нас со Светкой покупает. Знает, что нам нравится.

Василий взял один из журналов и стал его перелистывать.

– Да, действительно красиво, – сказал он, любуясь эффектными западными фотодами. – Только мне кажется, что в жизни они совсем другие. Здесь они кажутся нарисованными, как в сказке.

– И пусть, – возразила Варя. – Мы любим сказки. Нам девчонкам, хочется быть похожими на них. Тут особенно есть один журнал, он американский, вот там... Я сейчас покажу.

Девушка, предвосхищая шок, который должен был испытать молодой милиционер, начала перебирать стопку красочных журналов.

– Где же он, – с досадой сказала Варя, видимо не найдя то, чего искала.

– А что там было такого особенного? – спросил Куприянов.

– Ой! Там американские актрисы. Они в таких клёвых нарядах, – Варя замахала руками. – Да что я вам объясняю?! Это надо видеть.

Варя продолжила искать заветный журнал, но его нигде не было.

– Может Света взяла? – спросил Куприянов.

– Нет! – уверенно сказала Варя. – Папка строго настрого запретил эти журналы выносить. А мы папку слушаемся.

Варя продолжала искать. Она просмотрела все ящики письменного стола, полки с книгами. Даже заглянула в шкаф, но журнала не нашла. Девушка подняла растерянный взгляд на сыщика. В глазах её была жалостливая просьба о помощи.

– Варя, – Куприянов, прищурившись, смотрел прямо в глаза девушке. – Света точно не могла взять? Ты уверена?

Варя качала головой. Она была уверена, что сестра не могла взять журнал и вынести его из дома. Когда пришла с работы Надежда Петровна, Василий поинтересовался у неё. Не брала ли она этот журнал. Но хозяйка о нём даже не знала.

– Я эти журналы никогда и не листала. Мне не до них, – ответила Надежда Петровна.

«Странно, – думал Василий. – Неужели вор позарился на красивые картинки. Интересный домушник. А если не он, то кто мог вынести этот журнал? Очень странно». Всё это Василий записал в блокнот. Сыщик решил пока не докладывать об этом Зиновьевой. Информация не проверена. Надо прежде переговорить с сестрой Вари, а уж потом делать выводы.

1994 год. 21 июня. 12:34

Общежитие завода «Авангард» находилось в Заводском районе города. От трамвайной остановки минут десять ходьбы. Василий сразу разыскал коменданта. Мужчина лет пятиде-

сяти в полосатой рубашке, широких брюках и сандалиях. Надев очки, комендант разглядел удостоверение Куприянова и, прокашлявшись, как перед докладом, приготовился отвечать на вопросы милиционера. Во взгляде мужчины читалась партийная дисциплина. «Советская закалка, – подумал Василий. – Этот наверняка выдаст нужную информацию». Но Куприянов ошибался. Олег Павлович, так звали коменданта, пришёл на эту должность меньше года назад. Про Маргариту Терёхину естественно ничего знать не мог.

– Ну архив-то есть у вас? – продолжал сыщик. – Вы же прописываете, выписываете жильцов. Какие-то следы остаются.

– Архив есть, – бодро ответил комендант. – Но он не здесь. Он на заводе. В отделе кадров. Там и паспортистка.

– Понятно, – почесал в затылке Василий. – На завод я, конечно, сейчас съезжу, а вы мне вот что скажите. Кто-нибудь из очень старых жильцов здесь остался ещё?

– Может быть, – Олег Павлович поднял указательный палец вверх, то ли показывая куда-то, то ли давая понять, что что-то вспомнил. – Тут на втором этаже несколько комнат перестроены в квартиры. Там жильцы живут уже лет десять, а то и больше.

– Там есть сейчас кто-нибудь?

– Так сейчас обеденный перерыв начнётся. Кого-то обязательно застанем.

В одной из квартир на втором этаже Куприянова с комендантом встретила полная, розовощёкая женщина, со сбившейся на бок косынкой на большой голове.

– Не! Маргариту Терёхину, не! Не помню, – мотала головой женщина.

– Так давно же здесь живёте. Постарайтесь. Припомните, – пытался Василий вернуть женщине память.

– Давно живём. Як с Мариуполю сюда переехали на завод, так нас с Миколой тут и поселили, – на смешанном русско-украинском наречии говорила женщина. – Ну тут зараз усе не усьомнишь. Они ж как: приихали – зыхали. Туды-сюды.

– Да нет, – остановил словесный поток Куприянов. – Терёхина тут жила с семьдесят второго или третьего года. А вот переехала она в другую квартиру только в восемьдесят втором. Должны вы её помнить. Бабушка такая шустрая. В театре работала.

– А! У театре! – глаза женщины округлились. – Так это ж гримза с четвёртого этажа. Так бы и сказали. Ритка. Ох, склочная баба. Вы, товарищ милиционер, об ей с Капитоновной переговорите. Она к ей в дом вхожа була. Тоже с бумбончиком тётя, – женщина характерно покрутила пальцем у виска. – Она вон у той крайней хате живе. Только вы её сейчас не теребите. Она с утра винца тяпнет и спит до двух, до трёх. А потим опять за вином бежит. Тому ще вона пьянчужка.

– Спасибо вам, – поблагодарил женщину Куприянов. – А фамилия её как?

– Та бис её знает. Капитоновна вона и усё.

Капитоновна открыла не сразу. Невысокая шуплая женщина, с копной седых волос и глубокими морщинами на лбу и лице, окинула недобрым взглядом Куприянова через приоткрытую дверь.

– Что угодно вам, мужчина? – низким, ещё не проснувшимся голосом спросила она.

– Подполковник Куприянов, уголовный розыск. Мне надо с вами поговорить.

– Уголовный розыск? – удивлённо переспросила женщина, вытянув шею. – Зачем я понадобилась уголовному розыску?

– Вы позволите мне войти? – настаивал Василий.

Квартира Натальи Капитоновны выглядела удручающе. Гора грязной посуды в раковине. Крошки на столе. На подоконнике стояли полузасохшие комнатные цветы. Запах старости и заброшенности присутствовал в этом доме. Василий Иванович выдвинул облезлую табуретку из-под стола и, убедившись, что она чистая, сел. Хозяйка достала из шкафчика над столом пачку болгарского «Опала», подкурила и присела напротив.

- Наталья Капитоновна, вы знаете Маргариту Терёхину? – спросил Василий.
- Знаю.
- А как вы с ней познакомились и как давно её знаете?
- Что, всё-таки влипла куда-то Рита. Допрыгалась?
- Что значит влипла? – Куприянову становилось интересно.
- А то и значит, – Капитоновна наклонилась и шёпотом сказала, – у неё всё время были какие-то тёмные делишки. Она хитрая, Маргаритка. Ох, хитрая. Я ещё в театре замечала, что двуличная она.
- Вы работали с ней вместе в театре?
- Да. Только я всё время до самой пенсии билетёром была, а эта Маргарита, с билетёров в гардеробщицы, с гардеробщиц в кассиры. Проныра эта Ритка. Ох и проныра!
- Значит, подругами вы с ней не были?
- Как это не были! – возмутилась Наталья Капитоновна. – Мы с ней так и дружили с этого, ну с какого?.. С семьдесят второго, по-моему. Ну да. Как она в театр пришла работать, так мы и подружились. Мы с ней женщины одинокие. Как нам не дружить? А потом Маргариту в это общежитие Брук поселил. Так мы вообще сдружились.
- Что же тогда так нелестно о подруге отзываетесь?
- А бросила она меня. Предала.
- Расскажите.
- Я не знаю, товарищ милиционер, откуда у неё деньги появились, но комнату свою на четвёртом этаже она на квартиру поменяла в обкомовском доме. На Тимирязева. Как? Вот скажите, как?
- А сами-то что думаете?
- А вот что я думаю. В кассе она денег наворовала. Обворовывала граждан, – женщина потушила окурок и, махнув с досадой, сказала. – Её как в кассу театральную пустили, так у неё сразу деньги стали появляться. Она и мне давала. Продукты иногда носила. Бутылочку, бывало, принесёт. Да не бормотухи какой, а например «Херес» крымский или «Чёрного доктора». «Чёрного доктора» пробовали?
- Приходилось, – соврал Василий. Он любое вино на дух не переносил.
- Во-о-т! – протянула Капитоновна, придаваясь сладким воспоминаниям. – А потом раз и вмиг поменялась. Ладно там поменялась. Она про меня забыла. Бросила меня. Не прилично так поступать с подругой.
- Вы говорите, разменяла комнату. Это значит тот, кто жил в квартире на Тимирязева переехал сюда, в общежитие.
- Ну а куда же ещё?!
- И кто это был?
- Не поверите! – Наталья Капитоновна оглянулась, будто боялась, что кто-то услышит её крамольные речи. – Сын одного очень большого человека. Начальника.
- Какого человека?
- Оттуда, – указала женщина пальцем вверх. – Его в то время уже в Москву забрали, чуть ли не в само правительство. А сынок- разгильдяй, остался в квартире хозяйничать. Говорили, в карты играл. Проигрался в пух и прах. Тут Маргарита и подвернулась. Ох неспроста! Не просто так она к парню этому пристала. Она вообще никогда просто так ничего не делала. Я же говорю, тёмными делишками занималась.
- И что этот парень? Где он сейчас?
- Сгинул.
- Умер?
- Кто его знает. Пропал и всё. Искали его да не нашли. Поди, дружки картёжники приговорили. У них же как! Долг не отдал, тебя чик ножиком и всё. Нет человека.

– А вы откуда знаете?

– Так я что же, совсем тёмная? Я, между прочим, молодой человек, когда-то театральным критиком была, – Капитоновна выпрямилась и гордо провела рукой по седым волосам. – У меня вон телевизор есть. Кстати, Маргарита подарила.

«М-да, – подумал Василий, глядя на Наталью Капитоновну, – видать, „Чёрный доктор“ в твоей жизни, Капитоновна, не самую лучшую роль сыграл».

– Спасибо вам, Наталья Капитоновна, – поблагодарил женщину Василий, вы мне очень помогли. Но я думаю, что нам ещё придётся встретиться. Вы не против?

Женщина кивнула. Куприянов задвинул табурет на место и пошёл к выходу.

– Так во что Маргарита вляпалась? – крикнула вдогонку уходящему Куприянову Наталья Капитоновна.

– Она умерла, – ответил Василий и захлопнул за собой дверь.

Глава 5

1972 год. 30 августа. 10:47

– Ну и что ты мечешься как львица? – с явным раздражением спросила тётка Любу.

Маргарита стояла на кухне с половником в руках. Перед выходом на работу она решила побаловать племянницу блинами. Но Люба проснулась не в духе. Зашла на кухню. Не поздоровавшись, зло зыркнула на Маргариту и вышла. Хлопнула дверью ванной комнаты. Долго не выходила. Терёхина подошла к двери ванной и прислушалась. Громко шумела вода. Когда Люба выключила душ, Маргарита задала свой вопрос. Ответа долго не было.

– И ладно, – возвращаясь к блинам, сказала тётя, – хочешь беситься, бесись. А была бы ты умнее, – уже громко сказала Маргарита, – рассказала бы тётке, что случилось, и какой чемерь в тебя вселился! Мы люди с тобой родные. Если не я, то кто тебе поможет? Посочувствует кто?

Люба в распахнутом халатике, услышав призывы тётки, опять заглянула на кухню. Вытирая мокрые волосы, она смотрела на Маргариту с раздражением.

– Эх, Любка, – с прищуром разглядывая племянницу, сказала Терёхина, – красивая ты девка. Фигурка у тебя смотри, какая точёная. Осчастливишь ты какого-нибудь мужика. Завидовать ему все будут. А может, и не одного осчастливишь.

– Всё? Ты все свои мысли высказала? – Люба скомкала в руках мокрое полотенце. – За блинами смотри. Подгорают. И не лезь в мою жизнь. Я как-то жила без тебя и сейчас обойдусь.

Пожарская бросила полотенце на стул и со слезами выбежала из кухни. Маргарита выключила газ, сняла с плиты сковороду. Было понятно, что блины сегодня уже никто есть не будет. Терёхина сняла фартук и пошла в спальню к Любе.

– Права ты, Любаша, – сказала Маргарита, войдя в комнату племянницы. – Надо мне от тебя съехать. Загостились я тут. Вижу, что тебя раздражаю. Сегодня же попрошу у Брука комнату в общежитии. Думаю, не откажет. А? Ты как считаешь?

Люба не отвечала. Она стояла у окна и остекленевшим взглядом смотрела на улицу.

– Не хочешь говорить? – продолжала монолог Терёхина. – Не говори. Переваривай всё внутри себя. Портё себе нервы. А от них, между прочим, все болезни. Перестанешь быть красивой и здоровой, перестанет Забродский давать тебе главные роли. Вот так и кончится твоя карьера великой актрисы. Пойду я на работу, а ты продолжай. Продолжай страдать, Любаша.

– Хватит! – закричала Пожарская и зарыдала. Стон вырвался из её груди. Люба упала на диван и, закрыв лицо руками, плакала в голос.

Маргарита тут же подошла к племяннице, села рядом и стала гладить Любу по влажным волосам.

– Ну что ты, деточка? Прости старую дуру. Я ведь помочь тебе хотела. Прости.

Люба приподнялась и стала подолом халата вытирать слёзы.

– Ой, тётя Рита, – всхлипывая, произнесла она, – плохо мне. Как вернулся этот Седов, так прохода мне в театре не дают. Он Забродского против меня настраивает. Просит эту свою любовницу Лебедеву на главные роли вернуть.

– А что Забродский?

– А что Забродский! У Седова авторитет. Он же теперь всесоюзная звезда. Его теперь во всех кинотеатрах показывают.

– Что думаешь, задвинут они тебя?

– Думаю да, – Люба глубоко вздохнула и взяла за руку тётю. – Думаю надо мне из этого театра уходить. Искать другое место.

– Чего надумала! – Маргарита нахмурилась. – Ещё недели не прошло, как ты из отпуска вернулась. И сразу хочешь лапки сложить? Не спеши. Надо подумать. Притаись. А потом

решим, как с этим фраером Седовым поступить. Ишь ты – звезда. Прыщ на волосатой ж... Не таких обламывали.

– Тетя Рита, только давай без твоих тюремных словечек.

– Хорошо, хорошо. Как скажешь, Любаша, – согласилась тётушка. – Только ведь знаешь, племяншка, там, в тюрьме я не только плохому научилась, но и много хорошего узнала. Во всяком случае, ни тебя, ни себя я в обиду не дам.

Люба успокоилась, запахнула халат, посмотрела на Маргариту и улыбнулась.

– Прости меня, тётя Рита.

Маргарита обняла Любу за плечи.

– Послушай меня, опытную прожжённую тётку. Для того чтобы выжить в этом мире, нам, бабам, надо иметь покровителя. Человек нужен тебе сильный и влиятельный.

– Любовник что ли?

– А хоть и любовник. Что в этом плохого? Этот твой Забродский так, пассажир. Сегодня ты ему нужна, а завтра нет. Он ведь с тобой никак не повязан. Он от тебя никак не зависит. А надо такого мужика, чтобы на тебя подсел. Чтобы на коротком поводке. Понимаешь?

Люба смотрела на тётку и в глубине души была с ней солидарна. Конечно, эти рассуждения пока ещё не соответствовали её убеждениям, но противиться позиции тётушки Люба не хотела. Так развивались события.

Алексей Седов, заслуженный артист РСФСР, имел в областном театре приличный вес. Он был человеком популярным. Вхож был в кабинеты местного начальства. Хитёр и умён. То, что Забродский задвинул его партнёршу и любовницу Светлану Лебедеву, Седову очень не понравилось. В этом августе, вернувшись после долгого отсутствия в театре, Алексей Михайлович решил вернуть всё на круги своя. Люба сразу почувствовала, что отношение к ней в труппе изменилось. Недавние друзья и подруги стали сухо здороваться, отводить взгляды и избегать тесного общения. Последний оплот Любиного благополучия был главный режиссёр Забродский. Но гарантии того, что это так и останется, не было никакой.

Собственно в этом и была причина того, что Пожарская стала прислушиваться к доводам и советам своей тётушки, чего ранее за ней не наблюдалось. Забродский и в самом деле не тянул на покровителя. К тому же противопоставлять себя труппе он вряд ли будет. Атмосфера в театре прямо влияет на качество спектаклей. К тому же, не дай Бог, кто-то из активных партийцев стуканёт в обком. Проблем не оберёшься. Наверное, Маргарита права. Надо переходить на другой уровень. Детство кончилось, суровая правда жизни показывает свои акулы зубы.

Тётя оставила Пожарскую в комнате за размышлениями, а сама ушла собираться на работу. Уже в прихожей, прежде чем уйти, Маргарита подозвала Любу.

– Люба, – сказала она, глядя колючим цепким взглядом прямо в глаза девушке, – сделай паузу. Как в училище учили. Абсолютное безразличие. Отдай им первый ход. А я со стороны посмотрю по чьей голове надо врезать. Мы поборемся. Помнишь, как усатый говорил: «Наше дело правое. Победа будет за нами».

1973 год. 15 августа. 8:05

– Москва. Вторая кабина, – крикнула в окошко девушка-оператор переговорного пункта.

Василий зашёл в кабинку с большой коричневой цифрой два на стекле, снял с аппарата тяжёлую чёрную трубку и прислушался. В трубке кроме шороха и каких-то электрических звуков ничего не было.

– Соединяю. Говорите, – услышал Куприянов казённый голос.

– Алло, алло, – Василий повторил несколько раз, прежде чем услышать ответ.

– Алло, Вася? – наконец прорезался голос Ольги, жены Куприянова. – Вася! Я тебя не слышу.

– Здравствуй, Оленька.

– Здравствуй. Как ты там? Устроился?

– Нет пока. Пока в общежитии.

– А когда тебе дадут нормальное жильё? Ты сказал, что у тебя семья? Они в курсе?

– Сказал, конечно, сказал. Начальник пообещал к Новому году дать служебную квартиру.

– К Новому году? – Ольга была явно недовольна. В голосе её сквозило раздражение.

– Это совсем скоро, Оля.

– Что значит скоро!? Это ещё четыре месяца. Я вижу, что ты не очень хочешь, чтобы я к тебе приехала.

– Ну что ты, Ольга! – Василий очень не любил скандалы по телефону. Но Ольга явно была сегодня не в духе. Надо было как-то сгладить назревающий конфликт. – Я могу пока снять квартиру. Здесь это недорого. Не успеет оглянуться, как наступит декабрь. Переселимся.

Ольга молчала.

– Оля, алло! Ты меня слышишь, – Василий подумал, что связь прервалась. – Алло, Оля!

– Слышу я тебя, – ответила жена. – Мыкаться по съемным квартирам не хотелось бы. Но если другого выхода нет?

– Пока нет, любимая.

– Я подумаю. Ты меня расстраиваешь, Куприянов.

– Оля, приезжай, – Василий пытался вложить в эту фразу всё своё обаяние. – Я очень по тебе скучаю.

– Хорошо, – снизошла Ольга. – Ищи квартиру.

– Ваше время заканчивается, – вмешался в разговор казённый голос.

– Хорошо, Оленька, как решу с квартирой, сразу позвоню. Я люблю тебя.

– И я тебя люблю, – ответила Ольга. – Пока.

Василий не успел попрощаться. Связь прервалась. Он положил трубку. Вышел из кабинки, внутренности которой тут же погрузились во тьму. Куприянов подошёл к оператору, спросил, не должен ли он доплатить и когда соединят со вторым номером. Второй разговор Василий заказал с Норильском. Там он вызвал на беседу Геннадия Фёдоровича, хозяина обворованной квартиры. Ему не давал покоя пропавший журнал. В нем, в журнале, не было никакой ценности, но его пропажа определённым образом меняла картину. И ещё он очень хотел узнать про друзей Геннадия Фёдоровича. Вдруг кто-то из них причастен к краже. Или где-то мог проболтаться о денежном семействе.

Разговор с Геннадием Фёдоровичем состоялся уже скоро. Хозяин квартиры уверял, что журнал он не трогал и тем более из дома не выносил. Дочери тоже не могли, потому что он строго-настрого запретил это делать. «Буржуйские» журналы привозили коллеги из-за бугра из служебных командировок. Особо это афишировать было не принято. Мало ли что. Партийными властями это не приветствовалось. Западный образ жизни, кричащий со страниц зарубежных глянцевого изданий, растлевал советскую молодёжь. Всех своих друзей он перечислил. Как уверял, все они порядочные люди. Никого не подозревал.

Теперь после этого разговора можно было докладывать Зиновьевой о странной пропаже одного из журналов из комнаты дочерей.

– Дался тебе этот журнал, – реакция Елены Яновны была неожиданно безразличной. – Я уверена, что это дочка кому-то из своих подруг отдала красивую книжку с картинками. А не признаются, потому что боятся родителей. Василий Иванович, не трать время на ерунду.

– Вам конечно, виднее. У вас опыт. Но я думаю, что журнал взял вор.

– Ну допустим, – Зиновьева отвлеклась от своей писанины и, положив ручку, внимательно посмотрела на Куприянова. – Допустим, вор кроме денег и драгоценностей взял ещё и журнал. И что?

– Неужели вы не понимаете? – удивился Василий.

– Развивай мысль, Куприянов. Хватит полутонами разговаривать. У нас нет на это ни времени, ни сил.

– Это совершенно меняет образ вора. Это характеристика. Понимаете?

– Доказывай!

– Пожалуйста! – Василий вошёл в азарт. – Вор работал чисто. Взял только драгоценности и деньги. Ничего не сломал. Вещи не разбросал. Следов не оставил. Если не считать шкатулки, которую видимо, забыл положить на место. Безупречная кража. И вдруг в комнате девочек он видит красивый журнал мод. У человека определённая программа. Зачем он берёт журнал?

– Настаиваю, – перебила Василия Елена Яновна, – это не доказано. Но предположим. Только ради твоих фантазий. Так почему, по-твоему, он взял журнал. Любовь к западной моде?

– Да, если хотите. Это в сфере его простых человеческих интересов.

– Или он связан с кем-то, для кого подобный журнал важен и интересен, – продолжила мысли Куприянова Зиновьева.

– Или так.

– Значит? – Елена Яновна улыбнулась. – Ты думаешь о том же, о чём и я? Это подарок для подруги, так?

– Или вор близок к миру моды.

– Ну это уж слишком. Скорее кто-то из близких, чем он сам. Я в своей практике ещё не встречала домушника-модельера.

– Или портного, – добавил Куприянов. – Но всё когда-то бывает в первый раз.

– Вот Куприянов, вот баламут, – засмеялась Зиновьева. – Упрямый. Но это и хорошо. В твоём деле это важно. Напиши мне справку. Изложи там все свои предположения. Возможно, это нам поможет. Потом займись друзьями хозяина квартиры. Только сделай это деликатно. Прощупай всех. Даже если там будет Генеральный секретарь. Понял?

– Понял.

– Про секретаря это я так, для важности. Работай.

Глава 6

1972 год 21 сентября. 01:24

Серая «Волга» с жёлтыми шашечками на передних дверях, визжа тормозами, остановилась около подъезда дома, в котором жил Алексей Седов. Во дворе было пустынно. Седов, расплатившись с водителем, вышел из машины и подал руку своей даме. Это была Светлана Лебедева. У неё сегодня, то есть уже вчера был день рождения. Седов устроил своей любимице шикарный вечер в ресторане «Интурист». Для популярного артиста, бросающего лукавый взгляд на жителей южного города с афиш местных кинотеатров, были открыты двери любого заведения. Распространённая в ту пору табличка на дверях «Мест нет» была совсем не для Седова. Вечер получился удачным и сам Бог велел продолжить его интимную часть в квартире кинозвезды. Итак, вторая часть фармазонского балета обещала быть страстной.

В квартиру на шестой этаж пришлось подниматься по лестнице. Лифт, как повелось, в одиннадцать вечера отключали. Светлана и Алексей, войдя в прихожую, долго целовались, жадно шаря руками друг у друга под одеждой.

– Седов, неужели вся ночь с тобой моя? – мурлыкала Светлана.

– Не твоя, а наша. Я тоже собираюсь поучаствовать, – шутливо произнёс Седов.

– А твоя модельерша внезапно не появится среди ночи? – спросила Света, имея в виду жену Седова.

– Не появится. Она в Ленинграде со своими платицами и блузками, – в голосе Седова мелькнули нотки раздражения. – Ну хватит о ней. Иди в ванную. Я приготовлю спальню.

Через пятнадцать минут Светлана вышла из ванной, обернувшись полотенцем. Она решила, войдя в спальню, скинуть это одеяние и предстать перед Алексеем обнажённой. Оставляя на лакированном паркете влажные следы, Света на цыпочках вошла в комнату. Картина перед ней открылась удручающая. Алексей сидел на полу бледный с трясущимися губами. Он что-то пытался сказать, но звуки с его губ не слетали. Вокруг Седова в спальне был полный бедлам. Разбросанные вещи, перевернутая кровать. Шифоньер, стоящий около стены, напротив кровати, похоже, был вывернут наизнанку.

– Это... это... – Света начала заикаться. – Это что?

Седов только разводил руками, но ничего вымолвить не мог. Он указал рукой на матрац. Только тогда Света увидела, что матрац разрезан сбоку и из него торчат куски наполнителя.

– Это всё, – вдруг тихо сказал Седов. – Это всё.

– Что всё? – Светлана опустила на колени перед Алексеем и взяла в ладони его голову. – Я не понимаю. Что значит всё?

– Они вынесли всё, – Седов стал потихоньку приходить в себя.

– Что там у тебя было? – Светлана не отпускала голову Алексея. – Деньги? Золото? Что?

– Да. Деньги.

– Так! – Света резко встала, пошла в ванную и быстро оделась. Затем вернулась к любовнику. – Что ты сидишь, Лёша? Надо звонить в милицию. Надо что-то делать.

Она решительно направилась к телефону. Он был в коридоре на полочке.

– Стой! – закричал Седов и тихо зашипел. – Никуда не надо звонить. Никуда.

– Почему? – Лебедева не понимала своего друга. Первым делом надо вызвать милицию. Так было заведено. – Почему не надо звонить? Объясни! Ты меня пугаешь, Лёша.

– Дура! – вдруг грубо шепнул Седов и, взяв Свету за руку, затащил её в гостиную. – Тихо ты! Ты ни черта не знаешь. Не твоё дело. Звонить не надо. Поняла?

Света была ошарашена. Его обокрали, а он не хочет об этом заявлять. Седов закрыл плотно двери в гостиную и, подойдя к Лебедевой, сказал:

– Это всё она. Как я сразу этого не понял? Это она, сука. Только она знала про эти деньги. Только она знала, где они спрятаны. Тварь! Тварь!

Седов рассвирепел. Он метался по комнате и матерился как сапожник. Светлана была в шоке. Она никогда не могла себе представить, что её возлюбленный может быть таким. Света испугалась.

– Лёша, а она – это кто? – робко спросила она.

– Кто, кто! Лиза! Благоверная моя.

– Так она же в Ленинграде.

– И что? – глаза Седова налились кровью. – И что?! У неё есть дружки. Вокруг неё вечно крутились эти странные личности. Гадина! Она всё же мне отомстила.

– Почему ты не хочешь вызвать милицию?

У Седова от слова «милиция» заходили желваки. Он наклонился над женщиной и, раздув ноздри, зло сказал:

– Потому что это не просто деньги. Это валюта. Поняла, бестолочь?!

У Светы мелькнул ужас в глазах. Она закрыла рот руками и замолчала.

– Вот так и молчи, – Седов в этот момент был скорее похож на убийцу, чем на заслуженного артиста. – Если ты кому-нибудь сболтнёшь, то я скажу, что ты со мной вместе скупала валюту. Ясно?

Света испуганно кивнула.

– Это расстрельная статья. А теперь собирайся. Вечер окончен.

1973 год. 19 августа. 19:09

– И сколько надо отдавать вот за это в месяц? – спросил Василий у Валеры, хозяина дома, который сдавал жильцам половину своего жилья.

– Двадцать рублей, – Валерий произнёс эту цифру настолько тихо и робко, что Куприянов понял, можно торговаться и за десять.

– Двадцать?

– Это нормальная цена для этого района, – отстаивал свою цену Валера.

– Чего ж тут нормального? До трамвайной остановки километр. Гастроном тоже недалеко. Нет. Я поищу ещё что-нибудь. Спасибо.

Куприянов лукавил. Он за неделю посмотрел пять квартир. Дешевле тридцати рублей ему не предлагали. Часть частного дома, с отдельным входом, тёплой ванной и туалетом, с газовым отоплением. Это было хорошее предложение. Но Василий видел, что хозяин готов уступить и этим воспользовался.

– Подождите! – остановил уходящего Куприянова хозяин. – Я готов пару рублей скинуть.

– Пятнадцать. И больше мы не торгуемся, – твёрдо сказал Василий.

Валерий взял паузу. Он поразмышлял немного, и хотел было предложить другую цену, но увидев решительное выражение лица Куприянова, согласился. Василий отпраздновал внутри себя маленькую победу. Он достал из кармана голубую пятёрку и протянул её Валерии.

– Это аванс. Я перееду завтра. Ключик дадите мне?

Получив ключи от своей половины дома, Куприянов пошёл на почту звонить Ольге. Трубку взяла Марина Сергеевна, мама Ольги:

– Василий, а Ольги сегодня не будет. Она уехала с профессором Патоцким на конференцию в Минск. Вернётся только в среду.

– Она мне ничего не говорила. Жаль.

– Что ей передать, Василий?

– Спасибо! Ничего не надо. Я позвоню в среду вечером. До свидания.

Куприянов чувствовал, что родители Ольги недолюбливают его. Он простой парень из рабочей семьи, а Ольга дочь заведующего кафедрой в университете. Они сошлись совер-

шенно случайно. Ольга пришла преподавать историю в институт. На первом же семинаре Куприянов влюбился в Ольгу Владимировну. Она была старше молодого студента-юриста, но Василия это не смущало. В итоге он своего добился. Они поженились. Вот только с детьми никак не получалось. Может именно поэтому отношения стали портиться. Когда Куприянов получил назначение в южный город, Ольга заявила, что остаётся у родителей в Москве. Она намерена работать над диссертацией. А к Василию приедет тогда, когда он получит квартиру. С квартирой быстро не получилось. Да и снятое Василием жильё вряд ли понравится Ольге. Но всё же они семья и надо жить вместе. «В среду сообщу Ольге, что квартира есть, – размышлял Куприянов, глядя на своё отражение в тёмном окне дребезжащего трамвая. – Не квартира конечно, но жильё вполне приличное. Врать не буду. Как есть, так и скажу. Она моя жена. Так что приедет обязательно».

Василий никуда не торопился. Он медленно поднялся на свой этаж и, достав ключи в полутёмном коридоре, пытался попасть в замочную скважину. Пока он нащупывал замок, сзади раздались громкие шаги по лестнице.

– Куприянов, – Василий узнал голос вахтёрши.

– Я здесь.

– Иди бегом вниз, тебя к телефону дежурный по управлению. Шустрее, Куприянов.

Так и не попав в свою комнату, Василий направился в отдел. Срочный вызов. Панкратов уже ждёт.

1972 год. 22 сентября. 16:58

– Нет, нет! Забери это, Маргарита, забери. – Зиновий Моисеевич решительно отодвигал от себя коробочку с часами. – Никаких подарков мне не надо.

– Зиновий Моисеевич, ну что в этом плохого, – убеждала директора Терёхина. – Это нормальная благодарность за ваше внимание. Я же знаю, чего вам стоило выбить мне эту комнату в общежитии.

– Ничего мне это не стоило. Освободилась комната. Она закреплена за театром. Я тебе, Маргарита, её предоставил.

– И что, претендентов не было?

– Были. Но они молодые. Подождут.

Терёхина вновь подвинула коробочку к Бруку.

– Это за то, что молодые подождут.

– Рита! – Брук цедил сквозь зубы. – Забери!

– Не беру. Не хочешь принимать подарок – выкинь, – Маргарита перешла на «ты». Её терпение лопнуло. – Я от чистого сердца, а ты...

– Ещё слезу пусти!

– И пушу!

Маргарита дрожащей рукой достала из сумочки носовой платок. Ей вовсе не хотелось плакать, но спектакль надо доигрывать до конца.

– Эй! Эй! Это невыносимо для моего хрупкого сердца. Хорошо. Хорошо, – Брук взял со стола коробочку. – Я приму этот подарок. Но носить его в театре не буду.

Терёхина сделала вид, что вытерла слёзы и, встав, сказала:

– Простите, Зиновий Моисеевич. Я не хотела вас расстраивать. Спасибо вам ещё раз. И ещё маленькая просьба. Пожалуйста, не говорите никому, что Люба моя родственница. Не хочу, чтобы судачили за спиной.

– Да я и сам, если честно, это афишировать не хочу, – негромко ответил Брук.

– Вот и хорошо. Мы понимаем друг друга. Пойду работать.

Маргарита почти уже вышла из кабинета, но вдруг вернулась, плотно закрыла за собой дверь и тихо сказала:

– Если что, я готова на любую работу. Если вдруг кого-то надо подменить, то можете на меня рассчитывать. До свидания.

1973 год. 19 августа. 22:20

Квартира скульптора Берешко напоминала выставочный зал. Причём зал, в котором давно не наводили порядок. Куприянов передвигался осторожно, глядя под ноги. Не ровён час споткнешься в сумерках о часть тела какой-нибудь величавой скульптуры и лоб расшибёшь.

Сам Берешко, маленький, усатенький, с блестящей синеваой лысиной, ходил нервно из стороны в сторону, похрустывая пальцами. Василию даже было немного боязно за скульптора, не дай Бог сломает рабочий инструмент.

Зиновьева устроилась в обитом полосатым атласом богатым кресле и опрашивала домработницу скульптора. Женщина, явно не понимающая, что от неё надо, отвечала сбивчиво, немного заикаясь. Зиновьеву это вовсе не раздражало. Она часто в своей работе встречала подобную категорию людей, которые будучи абсолютно не виновными, почему-то в этом сомневались.

Куприянов подошёл к Татьяне Спиридоновой, эксперту, которая спустилась со второго этажа.

– Тань, ну что? – спросил он.

Татьяна отрицательно покачала головой.

– Есть кое-что, – сказала она и направилась к Зиновьевой.

– Что, Таня? – не отставал Куприянов

– Там, около лестницы, нашла след от большого ботинка. Размер примерно сорок четвёртый. Точнее позже.

– Думаешь след вора?

– Скорее всего. Это уже вы сами выясняйте.

– А замок?

– Замок заберу для экспертизы. Может там ещё какие-никакие следы будут.

Тут вернулся Витя Рыбак. На лице его радости не было.

– Похоже на висак, – сказал он обречённо. – Никто ничего не видел и не слышал.

– То же самое, что и две недели назад, – сказал Василий. – Тоже никто и ничего.

– И так же открыли ключом, – продолжил Рыбак, – и так же взяли только деньги и золото.

Ты знаешь, что этот скульптор на днях Госпремию получил?

– А это сколько? – поинтересовался Куприянов.

– Это, Василий, много.

– А если серьёзно.

– Я слышал десять тысяч.

Куприянов свистнул. Зиновьева тут же подняла голову и строго посмотрела на оперативников.

Утром в отделе все ждали Панкратова. Он вернулся от начальника управления ближе к девяти утра. Был хмур и как всегда с нечесаной копной на голове. Вернее, он их расчесывал, но они ложились по-своему усмотрению. Либо не ложились вовсе. Недобрым взглядом посмотрел на своих подчинённых.

– Не кажется ли вам, доблестные милиционеры, – начал он свою речь, – что тучи грозные собираются над нашим отделом? Этот скульптор Баряшко...

– Берешко, – поправил Илью Петровича Подгорный.

– Правильно, Берешко. Так вот он в семь утра был уже в обкоме. Поднял скандал. Между прочим, имеет на это право. Теперь все начальники с накрученными хвостами ищут сакральную жертву. Догадайтесь, друзья мои, кто будет назначен на эту должность?

– А что, есть претенденты кроме нас? – с ухмылкой спросил Рыбак.

– Как ни странно – нет! – Панкратов развёл руками. – Ладно, хватит чесать языками. Давайте по делу. Рыбак начинай.

Виктор достал маленький блокнот и, положив его перед собой, начал говорить:

– Судя по реакции местных жуликов, для них эти кражи так же неожиданны, как и для нас. Скорее всего, это либо кто-то залётный. Гастролёр. Либо недавно освободившийся, про которого успели забыть.

– Моряк, – пробормотал Панкратов.

– Какой моряк? – переспросил Рыбак.

– Витя, песня такая есть. «Эй, моряк! Ты слишком долго плавал. Я тебя успела позабыть».

– А, ну да! Так что, может так и назовём нашего вора – моряк? – спросил Виктор.

– Вора мы назовём вором! – возразил начальник. – Не отвлекайся.

– Понял! Так вот, я проверил всех освободившихся за последний год из местных по специальности домушник. Официально в город возвратился только один. Казенин Михаил Васильевич, 1929 года рождения. Трижды судимый.

– Где он сейчас? – уточнил Панкратов.

– Уже два с половиной месяца лежит в тубдиспансере на лечении. Тяжёлая форма.

– Проверял?

– Алиби сто процентов.

– Подельники его?

– Нет подельников. Один остался. Двое других, которые проходили с ним по делам, уже по ту сторону.

– Понятно, – сделал вывод Илья Петрович. – Здесь ниточка обрывается. Что со свидетелями, – спросил он у Подгорного.

– Ничего необычного, – ответил Андрей. – Каких-то незнакомых людей во дворе кооперативного дома жильцы не видели. Со вчерашним случаем сложнее. Там проходной двор. Очень много людей срезают с проспекта на параллельную улицу. В основном к автобусной остановке. Сложно определить подозрительный прохожий или нет.

– Здесь тоже неутешительно, – буркнул Панкратов. – Подгорный, через час мне на стол план мероприятий. Подробно. Учить тебя не надо. Знаешь, как это делать. Чую сейчас прилетит пендаль из обкома и побегут с вопросами все кому не лень. Планом будем прикрываться пока. А ты, Василий Иванович, к экспертам. Если замки вскрывались одинаково, значит это одних рук дело. Рыбак, собери мне к шестнадцати ноль-ноль участковых.

Замки действительно вскрывались одинаково.

– Оба замка открывались родными ключами, – поясняла эксперт Спиридонова. – Но оба ключа были новые. Но вот что я думаю, скопированы они не с другого ключа, а скорее всего с оттиска. Хотя работа точная. Ключника надо искать.

– Спасибо, – ответил Василий и, забрав результаты экспертизы, направился к Панкратову.

«А почему именно ключника надо искать? – подумал Василий, выйдя от эксперта. – А почему не того кто сделал оттиск? И где он его сделал?».

Глава 7

1994 год. 21 июня. 17:03

Здание театра, к которому подходил Куприянов, потеряло прежний лоск, которым отличалось во времена Советов. Теперь денег на ремонт не выделяли и результат проплешинами и язвами, красовался на фасаде. Очередей в кассах уже не было. Народ между хлебом и зрелищем в это тяжёлое время, выбирал хлеб.

Куприянов зашёл через служебный вход. Он показал вахтёрше удостоверение и направился в кабинет директора. Василий прекрасно помнил расположение помещений в театре. Он намеренно решил немного прогуляться по закулисы. Если внешнее вокруг всё можно было описать одним грустным словом «упадок», то звонкие голоса молодых актрис и энергия молодых актёров, всё же оставляли надежду на спасение. «Может быть, – подумал Куприянов, прогуливаясь по закоулкам театра, – всё ещё вернётся. Конечно, так как раньше уже не будет, но как-то по-другому это из пепла восстать должно. Иначе и быть не может. Куда тогда девать пылкую страсть этих молодых энергичных мальчишек и девчонок. Согласен с Розенбаумом: «Всё вернётся. Обязательно ещё вернётся...».

Василий поднялся на второй этаж и зашёл в приёмную директора. Секретаря, как в былые годы, на месте не было. Дверь в кабинет директора была открыта. Куприянов заглянул в него. За столом сидела женщина средних лет, с пышной причёской и «партийным» макияжем. Она была поглощена своей работой и не замечала стоявшего в дверях гостя.

– Здравствуйте! – стараясь не напугать женщину, негромко сказал Василий.

– Здравствуйте! – ответила хозяйка кабинета. – Вы кто и по какому вопросу?

– Моя фамилия Куприянов, – сыщик раскрыл служебное удостоверение, – Василий Иванович. Я из уголовного розыска.

– Из угрозыска? – женщина удивилась и привстала. – А собственно говоря, что вас привело к нам театр? У нас что-то случилось? – её глаза испуганно забегали.

– Нет. Извините, что я вас напугал. Вы директор?

– Да! – женщина вытянулась в струнку. – Матвеева Татьяна Васильевна.

«Судя по выправке, – оценивал поведение Татьяны Васильевны Куприянов, – тётенька из бывших номенклатурных. У них ещё остался трепет перед красными корочками. Это неплохо. Получу максимум информации».

– Татьяна Васильевна, давайте присядем и поговорим.

– Да! Конечно! – и Матвеева как по команде плюхнулась на своё кресло.

– А где у вас секретарь? – поинтересовался Василий.

– Секретарь? – директор хмыкнула. – Она не пришла сегодня на работу. Видите ли, задерживают зарплату. Она считает, что это причина для прогула. Вот такие нравы у нас нынче.

– Может быть, она где-то зарабатывает на жизнь, – вступился за неизвестную ему секретаршу Куприянов. – Без зарплат сами понимаете, не прожить.

– Не могу с вами не согласиться, – Матвеева тут же сменила свою позицию. – О чём тут говорить, если даже главный режиссёр торгует сантехникой! А что? Надо выживать. Работа в театре это нынче как хобби. А трубы и унитазы это деньги. Осуждать не имею права.

– Татьяна Васильевна, мне нужна ваша помощь.

– Конечно, конечно!

– У вас в театре работала такая женщина Терёхина Маргарита Львовна. Мне нужна о ней информация.

– Ой! Простите, забыла как вас?

– Василий Иванович.

– Василий Иванович, я пришла на должность директора в начале прошлого года. Про Терёхину ничего не знаю. Я даже не слышала такой фамилии.

– А отдел кадров у вас ещё работает? Может быть, в архиве есть то, что мне надо?

Директриса послушно кивнула и, судорожно щёлкая ногтями по большим стёртым кнопкам телефонного аппарата, набрала номер отдела кадров. Через несколько минут перед Куприяновым стоял аккуратный седой старичок, начальник отдела кадров областного театра. Он невозмутимо смотрел на Куприянова поверх очков в тонкой металлической оправе.

– Сергей Сергеевич, – обратилась к старику Матвеева, – Товарища из угрозыска интересует одна персона, работавшая в нашем театре. Как вы сказали её фамилия? – спросила она у Василия.

– Терёхина Маргарита Львовна.

Сергей Сергеевич опустив голову, вопросительно посмотрел сначала на Матвееву, а потом и на Василия.

– Простите, а нельзя было по телефону сказать, зачем меня сюда вызывают? – с обидой сказал старик. – Я взял бы все необходимые документы.

– Ради Бога извините, Сергей Сергеевич, – принял на себя удар Куприянов. – Я не совсем понятно объяснил Татьяне Васильевне про Терёхину. Если вам нетрудно, пойдёте к вам в отдел, и вы мне всё про неё покажете и расскажете.

Василий понял, что Матвеева ему больше не нужна и решил переключиться на Кустова, так была фамилия старика. Этот типичный канцелярский человек поведал Василию всё, даже больше.

– Вот, пожалуйста, Маргарита, – Кустов положил перед Куприяновым пыльную карточку Терёхиной. – Принята на должность билетера шестнадцатого мая семьдесят второго года. Перед Новым годом переведена на должность гардеробщицы.

– Это я прочитаю сам, – остановил старика Василий. – Вы, Сергей Сергеевич, расскажите мне то, что здесь не написано.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.